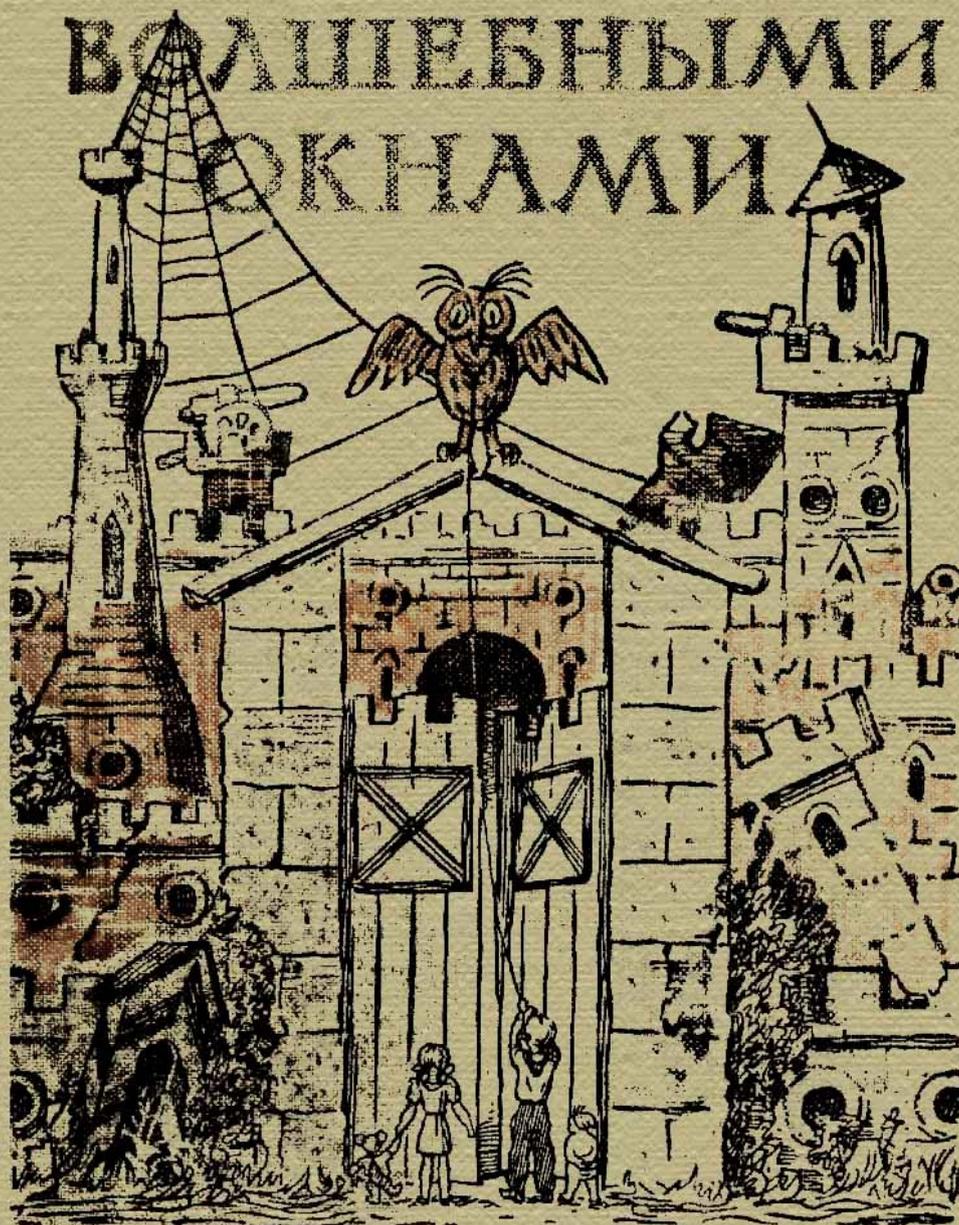


Э. ЭМДЕН

ДОМ
ВОЛШЕБНЫМИ
ОКНАМИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

• ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА •

Э. ЭМДЕН

ДОМ
ВОЛШЕБНЫМИ
ОКНАМИ



Издательство
„Детская литература“

Москва - 1968



ПРЕДИСЛОВИЕ

Как часто бывает в детстве, что сказка, выдумка, весёлая фантазия вмешиваются в твою жизнь. В замороженном окне ты видишь волшебные леса, куда уходишь по ледяной дорожке. У тебя оживают игрушки, человеческим языком говорят животные, появляются предметы, которых вообще нет на свете, а какая-нибудь полинявшая кукла становится твоим другом.

Эсфирь Михайловна Эмден, автор этой книги, и как писатель и как один из старейших редакторов много лет работала в детской литературе. Она создавала книги для детей и постоянно помогала добрым словом и советом многим и многим литераторам.

Талантливый писатель, человек необычайно одарённый, она знала дорогу в поэтический мир сказок и необычных приключений, в волшебную страну живых и забытых игрушек, умела заглянуть в царство музыки, в сверкающее царство настоящего искусства...

Когда Саша Лопихина впервые появилась в книге «Приключения маленького актёра», ей жилось очень тяжело. Игрушечный Петрушка, добрый и вечно жизнерадостный, был её единственным другом, с которым она делила своё одиночество и свои печали. Но повести не было бы, если бы Петрушка так и остался навсегда у Саши в комнате. Сидеть на одном месте было не в его характере, он должен был действовать, ему нужен был театр, представления, публика: ведь Петрушка был прирождённый актёр!

И вот автор, чей голос, тихий и ласковый, ты всё время слышишь в книге, вводит тебя в широкую, разнообразную жизнь наших современников, людей, которые живут и работают рядом с нами, вокруг нас.

Тут мы встретим славных актёров Мусю и Олега, которые приехали с кукольным театром на новостройку. Мы отправимся вместе с кукольным театром в поле, в полевую бригаду, а потом попадём на ситцевый бал, где терпит неудачу нарядная бездельница, а трудолюбивая мастерица Машенька веселится до утра и где, надо сказать, чуть не погиб наш Петрушка...

Но если Петрушка живёт и действует в реальном мире.

то герои повести-сказки «Дом с волшебными окнами» Серёжа и Таня попадают в чудесную, полную неожиданных встреч и волшебных событий сказочную страну.

В этой повести-сказке может случиться многое. В один тихий новогодний вечер вдруг откроется в комнату дверь, и вместе с облаком морозного пара войдёт Бабушка-кукла и позовёт тебя в Дом с волшебными окнами. Выйдя из своей комнаты, ты вдруг оказываешься в заснеженном лесу, где разговаривают деревья. Преодолев множество препятствий, попадаешь наконец в страну Игралочку...

Нежные, задумчивые стихи, звуки которых сопровождают сказку, придают ей особое очарование. Сказка эта уводит тебя в страну, которой нет на карте. Однако она научит тебя многому: и мужеству, и отваге, и умению достигать цели, когда цель эта благородна.

Но вот ты становишься старше, тебя уже интересуют дела твоих сверстников, школа, тебя волнуют мысли о том, что такое настоящая дружба, и о том, как должен человек вести себя в жизни.

В повести «Школьный год Марины Петровой» мы встречаемся с весёлой, немного беспечной, иногда упрямой, но всегда талантливой Мариной и идём с ней в школу. Но школа, в которой учится Марина, не совсем обыкновенная: кроме обычных занятий, там преподают еще и музыку, кроме арифметики и географии, там изучают ещё и ноты, разучивают пьесы. В этой повести уже нет сказки. Но зато как увлекателен этот мир музыки, который раскрывается перед тобой, сколько нового узнаёшь ты!

Приходит в музыкальную школу маленький человек, первоклассник, с маленькой скрипкой-четвертушкой, а то и с восьмушкой. Он ещё ничего не знает, он считает, что скрипка со смычком «состоит из палки, палочки и вертелки». Марина давится от смеха, слыша это, но и сама она недавно была такою же. А теперь у неё уже большие заботы — этюды, пьесы, увертюры, концерты...

Сколько придётся поволноваться тебе, читатель, вместе с Мариной, сколько придётся и огорчаться и радоваться, пока скрипка наконец запоёт по-настоящему своим чудным голосом!

И, может быть, прочитав эту повесть, ты научишься ещё больше ценить музыку, научишься понимать, какого большого таланта, вдохновения и труда требует от человека настоящее, большое искусство, то искусство, которое так обогащает, украшает и облагораживает мир.

Л. Воронцова



Глава первая
НОВЫЙ ГОД

Снег на улице хрустит,
Сон на саночках катит.

На стекле была нарисована морозная ёлочка, и смутно виднелась сквозь её мохнатые серебряные ветви широкая вечерняя улица.

В высоких домах зажигались окна — одно за другим, как гирлянды лампочек на ёлке.

Кто-то забыл у ворот саночки. Два человека торопливо шли по мостовой и размахивали руками.

В самом конце улицы, там, где начинался бульвар, всё сливалось в мохнатое, белое, пушистое... Шёл снег.

В комнате пахло хвоей. Большая ёлка стояла в углу, и стеклянные шары тускло поблёскивали на ней.

Давно уже пора было зажигать ёлку, но мама ещё не вернулась с работы. Её вызвали в больницу

в пять часов, а теперь... Таня посмотрела на часы — маленькая стрелка приближалась к девяти.

Опять весь вечер без мамы! А сегодня Новый год. Правда, мама сказала, что она постарается прийти пораньше и они вместе зажгут ёлку и чтоб Серёжа никуда не уходил. Он и не уходит никуда, сидит дома. Да ведь молчит всё время, не разговаривает! Только спросил один раз: «Кушать не хочешь? Ну, посмотри картинки, мама скоро придёт»...

Нет, не идёт мама, и Серёжа не разговаривает, и картинки все уже старые, знакомые. Скучно. Таня прислонилась к спинке дивана и задумалась.

Какой хороший Новый год был в прошлый раз! Мама и папа были дома. Пришли знакомые ребята и принесли волшебный фонарь. А в фонаре были картинки про медведя, и про лису, и про дедову избушку...

Отчего это в комнате вдруг посветлело?..

— Серёжа, посмотри, у нас окошко светится! Отчего это, Серёжа?

— Это от фонаря, — сказал Серёжа не оборачиваясь.

Он барабанил пальцами по замёрзшему стеклу и тихонько насвистывал какой-то марш. В другой вечер он давно нашёл бы себе занятие и уж непременно между делом не раз подразнил сестру, но сегодня даже ссориться не хотелось. И правда, что за неудачный Новый год! Мама весь вечер на работе, а его оставили дома, с Танюшкой. И отца нет — он со своим начальником уехал прокатывать по зимнему пути новую машину.

Серёжа представил себе на минуту, как вспыхивают и снова гаснут фары и вихрем разлетается впереди машины снег. Хорошо! У отца хорошая профессия. Быть шофёром хорошо! «Быть шофёром хорошо, а лётчиком лучше...» Откуда это? Ах да, из Маяковского, из Танюшкиной книжки «Кем

быть?»: «Лётчику хорошо, а матросу лучше...» Вот в том-то и дело, что выбрать себе одну профессию почти невозможно. А если бы существовала такая машина, которая и летала бы, и ездила, и плавала? Ведь тогда её водителю можно было бы стать сразу и лётчиком, и шофёром, и моряком! Стой-ка! Это можно попробовать.

Серёжа оглянулся на сестру и тихонько направился в свой угол, где было его хозяйство: рейки, планки, гайки, старый футбольный мяч с заплатой на боку... У Танюшки свой угол — там живут всякие девчоночьи игрушки: молчаливые, неподвижные куклы (а одна уже такая старая, ватная, что даже Таня с ней не играет), неуклюжие байковые медведи, мячики, запрятанные в сетки...

Но манёвр не удался: Таня, задумчиво сидевшая на диване и как будто даже задремавшая, живо вскочила и подбежала к брату:

— Ты что будешь делать, а, Серёжа?

— Да ничего особенного, — скучным голосом сказал Серёжа, пряча за спину руки с молотком и гвоздями.

— Я посмотрю, хорошо?

— Да ты всё сто раз видела! Ну шла бы к своим куклам... Ладно, ладно, только не хнычь, пожалуйста! Садись вот сюда и не мешай, хорошо?

— Хорошо, хорошо, не буду мешать. Ты это что, ты машину будешь делать, да?

— Я сказал — сиди тихонько...

Поблёскивают на ёлке шары. За окном падает снег. В углу, за перевернутым стулом, строится необыкновенная машина.

У нее кузов автомобиля и пропеллер самолёта. У неё горделивая труба красавца парохода и капитанский мостик. «Право на борт! — командует капитан. — Отплываем! Улетаем! Поехали!».

ГОСТЬЯ

Это снилось всем ребятам,
Даже бабушке когда-то.

Снег падал и падал не переставая. Может быть, он уже спрятал весь дом от чужих любопытных глаз. Может быть, он тихонько раскачивал дом направо — налево, направо — налево... Потому что лампа тоже раскачивалась и нельзя было не мигая смотреть на неё.

И, наверно, потому стук слышали не сразу. Он доносился как будто издалека, как будто в дверь стучали молоточком, обёрнутым в вату.

— Кто там? — спросила Таня и на цыпочках подбежала к двери.

За дверью что-то шуршало, и ответ нельзя было разобрать. Таня отперла замок, и тепло обитая дверь мягко приоткрылась. Никого!

Таня выглянула — дверь подъезда была открыта. И она ясно увидела, как вереница маленьких белых мышей промчалась мимо подъезда. Или это был снег?

Но в эту минуту прямо в дверь влетело целое облако густого морозного пара.

— Приехали, — сказал тихий голос, и в этом облаке прямо в дверь квартиры вошла старушка гостья.

Она топала валенками, отряхивала снежинки, густо облепившие шубу, и сердито поглядывала из-под белого заснеженного платка.

— Здравствуйте! — робко сказала Таня.

— Ну, здравствуй, здравствуй, — проворчала гостья. — Я уж думала, ты не узнаешь меня.

— А разве вы у нас бывали? — удивилась Таня.

Гостья сердито на нее посмотрела и пробормотала:

Не играют — забывают,
Забывают — не играют.

Таня широко открытыми глазами смотрела на гостью.

— Как вы сказали?

— Не надо спать, — проворчала гостья, — тогда всё услышишь.

— А я не сплю, я жду маму.

— Ах, ты ждёшь маму? — смягчилась гостья. — Так имей в виду, что мама тоже ждёт вас! Тебя и твоего брата. Она сама не может прийти.

— Почему? — огорчилась Таня.

Гостья опять рассердилась.

— Вот сидят они и ждут, будто ноги не идут! — пробормотала она. — Как будто сами ходить не могут! А мама устала, а мама весь день на ногах, а мама ждёт их после работы!

— Так мы пойдём к ней, бабушка! Где она?

Но старушка, не отвечая, забежала по комнате. Она семенила мелкими шажками, заглядывала во все углы и бормотала:

Недалёко, недалечко —
Там на улицу крылечко
Й на улицу окно,
Да волшебное оно!

— Волшебное окно? — повторила с восторгом Таня. — А почему?

Старушка три раза обернулась вокруг себя и опять очень быстро забормотала:

— Так блестит и так сверкает, все дороги освещает, освещает все пути и домой велит идти. Там такие разговоры, там лежат игрушек горы. Ваша мама у окна, ждёт детей своих она.

— Ой, бабушка, где это окошко? — закричала Таня. — Где этот дом?

А старушка продолжала бормотать, но уже не так быстро:

Там волшебное окно,
И, по правде, не одно.
Этот дом найти сумеете,
В этот дом войти посмейте!

— Да как его найти? Бабушка!
А старушка своё:

Не бояться, не бежать,
Только, чур, не опоздать!

И, мягко пробежав по комнате, она открыла входную дверь.

Серёжа вздрогнул от холода и, потягиваясь, с удивлением посмотрел на старушку гостью.

А та сейчас же обернулась:

— Эй, мальчик, ты слышал меня?

Не бояться, не бежать,
Только, чур, не опоздать!

Серёжа молча кивнул головой. Он не мог понять, откуда взялась эта странная гостья.

— Мы не будем бояться, — горячо сказала Таня. — Правда, Серёжа?.. Только вдруг мы опоздаем и не найдём маму?

— А вы поезжайте на машине! — быстро сказала гостья и показала рукой на Серёжин угол.

Серёжа вскочил со стула.

— Она ещё не готова, — сказал он. — Откуда вы про неё знаете?

Старушка погрозила ему:

— Это что ещё такое? Он машину не достроил, а теперь пора идти. Может, выстроишь в пути?

И она выбежала из двери. А в комнату снова

ворвалось белое облако морозного пара, и дети услышали, как сквозь сон, слова уходящей гостьи:

— Торопитесь, торопитесь, не опоздайте... Берегитесь Ледяного Ветра. Он захочет оставить вас в Старом году...

— Серёжа, ты слышал? — сказала Таня шёпотом. — «Берегитесь Ледяного Ветра!..»

— Одевайся потеплее, — сказал Серёжа сурово. — Нам надо торопиться, уже скоро десять часов.

Глава третья

ДОМ С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ

Мы из дому ушли вдвоём,
А на дворе метель метёт.
Как нам найти желанный дом?
Куда дорога приведёт?

Только три часа назад дети шли по этой улице с последними ёлочными покупками, но узнать её теперь было почти невозможно.

Что стало с улицей? Что стало с домами, с воротами? Что стало со знакомым, как собственные саночки, бульваром?

Снег плясал вокруг фонарей, и длинные фонари смешно отмахивались от него и прижимались к домам, а дома неслись прямо к незнакомому белому лесу, неизвестно откуда появившемуся в конце улицы.

Серёжа и Таня шли, крепко взявшись за руки, чтобы не потерять друг друга в этом снежном вихре.

На секунду ветер утих, и они ясно увидели у самого фонаря блестящие, сияющие окна большого дома. Они так ярко освещали улицу, что Таня закричала :



— Дом с волшебными окнами! Серёжа, скорей! — и потянула брата за руку.

С трудом им удалось пробиться сквозь снег, но они увидели самый обыкновенный дом — шестиэтажный, новый. Все окошки одинаковые, и за всеми окошками — ёлки.

— Ой, Серёжа, он не волшебный! — грустно сказала Таня. — Он самый обыкновенный. И мамы в окошке нет.

— Идём дальше, — решительно сказал Серёжа.

Ребята пробивались сквозь снег то вправо, то влево, но дома с волшебными окнами не было, а снег валил всё гуще и гуще, и за его густой сеткой скоро уже нельзя было разглядеть ничего, кроме очертаний незнакомого леса вдали.

И вдруг дети увидели впереди себя мчащиеся вихрем саночки. Их везла вереница белых мышей, а в саночках сидела и, обернувшись, махала рукой старушка в заснеженной шубе и в большом пуховом платке.

— Бабушка! — крикнула Таня. — Это та самая бабушка, что к нам приходила!

Таня побежала за саночками, но споткнулась о какой-то сучок и упала, не выпуская Серёжиной руки. И оба они покатались по снегу куда-то вниз.

— Держись за меня! — успел только крикнуть Серёжа.

Но Таня уже вскочила на ноги и с изумлением оглядывалась.

Глава четвёртая

В ЛЕСУ

На серебряных дорожках
Рассыпает месяц крошки.
Если клонет крошку птица,
Станет птица серебриться.

Месяц, месяц, посвети,
Нам вперёд пора идти!

Они стояли в лесу, в совершенно белом и тихом лесу.

Прямо вперёд уходила освещенная месяцем дорожка. Нельзя было не ступить на неё.

Снежные великаны-деревья сторожили дорожку. Они молча пропустили детей, но чуть только Танины ботинки захрустели по дорожке, как первое же дерево сказало немного надтреснутым голосом:

— Не хрустите по хворосту!

— А как же нам идти? — сказала Таня и сделала ещё один шаг вперёд.

— Не хрустите по хворосту! — повторило второе дерево. — Поднимите сучок.

Таня сейчас же наклонилась и нашла на дорожке два заиндевельных сучка. И Серёжа нашёл два таких же, только немного побольше. Но не успел он

их взять в руки, как сучки превратились в блестящие коньки! И Танины — тоже.

Серёжа быстро надел свою пару. До чего ж удобны, до чего легки!

На таких коньках не трудно взять первый школьный приз!

Но что делать с Танюшкой? Ведь она же ещё не умеет кататься.

А Таня уже скользит на своих коньках — и как хорошо! Да ещё кричит:

— Эй, Серёжа, догоняй!

И вот они побежали вдвоём по гладкой ледяной дорожке. Они легко и быстро скользили по ней, а в ушах у них звучала совсем не знакомая им песенка:

Унесут коньки чудесные
Прямо в страны неизвестные,
В страны ёлочных чудес —
В новогодний зимний лес.

А в лесу кто-то рубил дрова. И Таня первая заметила за деревьями маленького старичка в тулупе и подшитых валенках.

Старичок работал и мурлыкал себе под нос:

Нарублю-ка я дровишек
Для девчонок и мальчишек,
Чтобы стало им теплей,
Чтобы стало веселей.

Таня, на удивление Серёже, ловко затормозила.

— Дедушка, — закричала она, — как нам выйти из лесу?

Старичок медленно выпрямился и посмотрел на детей.

— Я бы вас провёл, милые, да ведь я на работе, с работы не уйдёшь.

— А какая у вас работа, дедушка? — спросила Таня.



Старичок медленно выпрямился и посмотрел на детей.

— Да вот дров нарублю, а потом замораживать пойду. Окна вот сегодня уже все заморозил, да ещё работа задана... — И старичок вздохнул.

— Ой, дедушка, вы умеете окошки замораживать? — с восхищением сказала Таня. — А какая ещё у вас работа?

Но Серёжа недоверчиво смотрел на старичка.

— Дед смеётся над тобой, а ты веришь, — сказал он негромко.

Старичок, нахмутив косматые брови, разглядывал Серёжу.

— Ишь ты, какой недоверчивый! — спокойно сказал он. — У меня, девушка, вот ещё какая работа: двое ребятшек тут должны, говорят, пройти, так мне велено их заморозить.

— Почему, дедушка? — испуганно шепнула Таня.

— А потому, милая, что они ищут чего не надо! — И старичок зашептал, тревожно оглядываясь по сторонам: — Дом с волшебными окнами ищут! А хозяин мой их туда не пустит, нет... Мой хозяин не любит, чтобы дети туда ходили.

— Да почему же, дедушка?

— А потому, что туда Новый год приходит, детям счастье приносит. А мой хозяин не любит счастливых детей, нет, не любит.

Старичок ещё раз боязливо посмотрел по сторонам и снова зашептал:

— Он уже сколько детей изловил на своём веку! Как увидит весёлого мальчишку или девчонку, так сейчас поймает. А уж куда он их потом девадет, не знаю.

Серёжа крепко взял сестрёнку за руку. Он слушал теперь деда внимательно и насторожённо.

— А кто ваш хозяин, дедушка? — насупившись, спросил он.

— Мой хозяин, милые, господин Ледяной Ветер.

— Господин Ледяной Ветер... — повторила Таня. — Как странно... А тебя как зовут, дедушка?

— А я Морозкой зовусь, милые, Морозкой.

— Морозкой? — обрадовалась Таня. — Так ведь ты совсем не страшный, дедушка Морозко! За что же ты хочешь тех ребят заморозить?

— А вы уж не те ли дети будете? — подозрительно спросил Морозко. — Сказано было: мальчик в шапке-ушанке и девочка в белой шубке. Так и есть — те самые. Стойте, я вас сейчас заморожу!

— Дедушка, не дурите, — твёрдо сказал Серёжа. — Вы лучше нам покажите дорогу. И что это у вас за хозяин, не пойму! Зря вы его слушаетесь.

— Ох, милые, дурной хозяин, — вздохнул Морозко. — И тулуп у меня прохудился, и валенки дырявые, а новых не допросишься никак. Всё говорит — не полагается, не отслужил ещё. А мне уж, милые, да-азно на пенсию пора...

— Каррр! — закричала сидевшая на дереве ворона. — Карр! Празболтался, старый дуррак!

— Заморожу! — крикнул Морозко и замахнулся на ворону.

А дети побежали дальше.

— Эй, милые, — крикнул им вдогонку Морозко, — погодите, дорогу покажу!..

Но только дети обернулись к Морозке, как вдруг струя ледяного ветра пронеслась по лесу.

Глава пятая

ГОСПОДИН ЛЕДЯНОЙ ВЕТЕР

Он холоднее всех на свете,
Он - ледяной, жестокий ветер.

Стало так холодно, что сердце готово было остановиться. Пальцы оледенели и перестали слушаться.

Морозко исчез, и дети остались совсем одни в лесу. Даже вороны куда-то попрятались.

— Куда же нам идти? — сказала Таня, задыхаясь и закрывая лицо руками.

Она ступила разок и споткнулась.

— Что, опять разучилась кататься? — сказал Серёжа. — Снимай скорей коньки, тут на них не проедешь.

— Это дедка набросал тут своих ледяшек. Вот ещё глупый-то! — сказала Таня, снимая коньки. — Куда же нам теперь идти? Серёжа, ты найдёшь дорогу?

— Конечно, найду, — сказал Серёжа прислушиваясь. — Подожди, кто-то идёт. Сейчас) всё узнаем.

Из-за деревьев вышел очень высокий, худой человек в длинном бесцветном плаще. Он шёл так быстро, что полы его длинного плаща разлетались по сторонам.

Когда он проходил мимо детей, эти длинные, разлетающиеся полы задели их, и Таня тихо охнула и зябко поёжилась. Но высокий человек быстро прошёл дальше и даже не оглянулся.

— Послушайте! — крикнул ему вдогонку Серёжа. — Вы толкнули мою сестру!

— Это ничего, Серёжа, — испуганно шепнула Таня. — Ты спроси у него лучше дорогу.

— Сам найду, — сказал Серёжа.

Высокий человек неожиданно остановился.

— Вот как? — сказал он насмешливо.

— Мы, кажется, заблудились, — дрогнувшим голосом сказала Таня.

— Мне это совершенно безразлично, — процедил человек в бесцветном плаще.

— Можно, мы пойдём за вами?

— Это не моё дело.

— Таня, не ходи за ним! — И Серёжа схватил сестру за руку.

Но Таня умоляюще взглянула на него:

— Ой, Серёжа, я боюсь! Ведь мы заблудились. Мы не найдём маму! А он всё-таки взрослый.

Делать было нечего, и Серёжа, нахмурившись, пошёл по следам незнакомца в бесцветном плаще.

Почему этот человек ему так не нравился, Серёжа сам не понимал. Человек как человек, только странный какой-то. Идёт впереди, а сквозь него всё видно. И холодно как за ним идти!

Таня крепко держалась за Серёжину руку, попевала за ним изо всех сил. Но человек в бесцветном плаще шёл так быстро, как будто летел!

Когда становилось особенно скользко, он взмахивал длинными руками. Тане показалось, что от этого становилось ещё холодней.

Морозко набросал тут, наверно, много ледяшек, потому что Таня всё время спотыкалась, и, если б не Серёжа, она, наверно, не раз упала бы. Но человек в бесцветном плаще ни разу не обернулся.

Впереди был овраг и через него мостик. Незнакомец быстро прошёл по мостику и остановился.

Дети тоже остановились. Пройти вдвоём по узенькому скользкому мостику было невозможно.

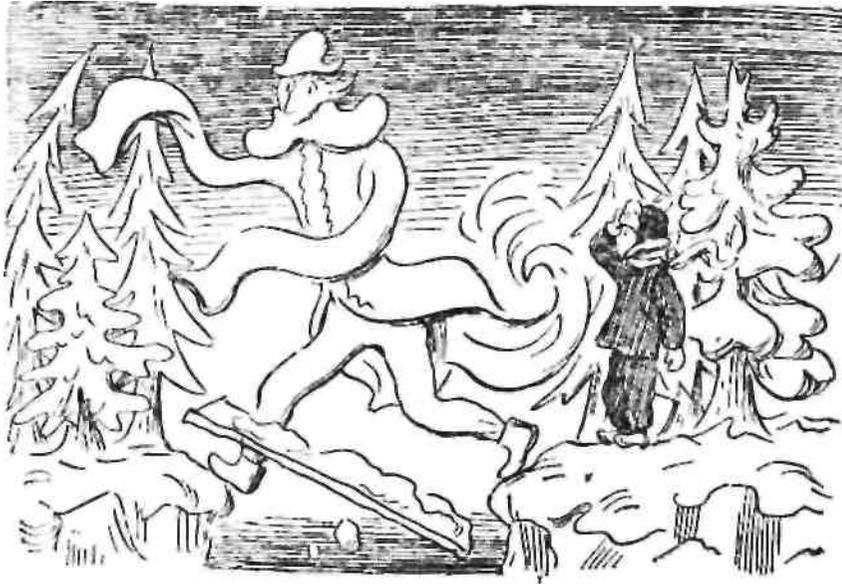
— Серёжа, иди, — сказала Таня, — а потом ты поможешь мне.

Но Серёжа крепко держал сестрёнку за руку.

— Я боюсь оставить тебя тут одну, — сказал он.

И вдруг порыв ледяного ветра снова налетел на детей. Они прижались друг к другу, но ветер хлестал в лицо, сбивал с ног, а человек в бесцветном плаще махал им издали руками и что-то выкрикивал. Слова его сливались с завыванием ветра, и их нельзя было разобрать.

— Он хочет помочь нам, — сказала Таня. — Серёжа, иди ты первый! — И она выпустила руку брата.



Сразу утих ветер, и человек в бесцветном плаще перестал махать руками.

На уроках физкультуры Серёжа был всегда одним из первых. Он осторожно и ловко прошёл по скользкому мостику.

Теперь надо было найти хорошую палку и протянуть её Тане.

Но вдруг человек в бесцветном плаще взмахнул руками. Сразу подул резкий ветер, и мостик обрушился вниз!

— Что же вы сделали? — задыхнувшись, крикнул Серёжа. — Моя сестра там осталась!

Человек в бесцветном плаще обернулся и посмотрел на Серёжу. Ух, каким ледяным взглядом он смерил его с ног до головы!

— А не всё ли тебе равно? — сказал он наконец.

— Как вы можете так говорить! Ведь она там одна осталась!

— Думай только о себе, — холодно отчеканил человек в бесцветном плаще и зашагал дальше. — Дом с волшебными окнами уже близко, — глухо сказал он не оборачиваясь.

И тут Серёжа увидел, как за деревьями что-то засияло, заискрилось, заблестело. Какой дворец стоял там! Весь в хрустальных узорах, весь в перегибах звёзд!

За окнами сверкала ёлка, и Серёже показалось даже, что мама стоит на крыльце в своей тёплой серой шубке и машет ему рукой...

— Мама! — Серёжа так и кинулся к ней.

Но вдруг в ушах у него зазвенело. С треском, с хрустом, со звоном рассыпался на кусочки дворец. И вот уже нет ничего, а всё ещё что-то дребезжит и скрипит — это издевается, хохочет незнакомец.

От этого смеха Серёже стало так страшно, что он даже зажмурился и закричал:

— Таня, где ты? Я иду за тобой!

А когда он открыл глаза, человека в бесцветном плаще уже не было и только почему-то раскачивались верхушки великанов-елей.

А Таня прыгала на той стороне, похлопывая варежками.

— Танюшка, это ты? — радостно закричал Серёжа. — Никуда не уходи, я сейчас переведу тебя!

— Только скорей, — крикнула Таня, — холодно!

— А мне почему-то стало теплее, — сказал Серёжа.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МИХАИЛОМ ИВАНЫЧЕМ

Вот кончается дорожка,
Вот и дом на крепких ножках.
Ладно скроен,
Крепко сбит.
Что за дом
В лесу стоит?

Тут дети услышали знакомый стук топора, и им сразу стало веселее.

— Дедушка Морозко, ау! — крикнула Таня.

А Морозко уже шёл по лесу, топоча своими подшитыми валенками, и вез за собой санки, полные блестящих, покрытых инеем дровишек. А на дровишках лежали две длинные тонкие жёрдочки.

— Дедушка Морозко! — снова крикнула Таня. — Смотри, у нас мостик провалился!

— А я-то что ж, — ворчливо отозвался Морозко, — а я тут при чём?

— Дедушка, постыдитесь! — сказал Серёжа. — Что вам стоит! Дайте мне эти жёрдочки!

— Ну, а я что ж, не даю? — побряхтев, сказал Морозко.

Серёжа быстро перекинул жёрдочки через овраг, а Морозко подул на них, и жёрдочки сразу превратились в крепкий ледяной мостик.

— Что, хороша работка? — похвалился Морозко.

Серёжа молча кивнул головой, и оба они протянули Тане руки.

— Ишь ты, как замёрзла! — посочувствовал Морозко, когда Таня с их помощью перешла мостик. — Садись-ка теперь в мои санки, а ты, милый, помоги сестрёнку везти.

Таня забралась в санки. Серёжа и Морозко взялись за верёвку, и санки понеслись по ледяной дорожке.

— Карр! Карр! — закричала, свесив голову, ворона. — Харроший старрикан! Харроший!..

— Заморожу! — крикнул Морозко замахиваясь.

И ворона с испуганным карканьем улетела.

А в конце дорожки, меж высоких снежных елей, показался бревенчатый приземистый дом.

Вот санки остановились у крыльца, и большой бурый медведь показался на пороге.

— Добро пожаловать, гости! — сказал он грубым голосом.

А из-за медведя осторожно выглядывала остренькая рыжая мордочка.

— Здравствуйте, миленькая девочка! — сказала лисичка. — Входите, входите, пожалуйста. Ой, мои бедненькие, как вы озябли! А у нас тепло-тепло. Входите, мои золотые!

Санки оставили у крыльца, и Морозко, Серёжа и Таня вошли в медвежий дом.

А у медведя в доме и правда было очень тепло. В большой печке потрескивали дрова, и отсветы огня плясали на тёмных бревенчатых стенах. А по тенам был развешан всякий нужный в хозяйстве бобыля инструмент: пила-одноручка, топор, рубанок. Серёжа сразу заметил их и с интересом смотрел на медведя. На нём большой рабочий фартук. Что же он мастерит?

А Михайло Иваныч как только впустил гостей, так сейчас же ушёл в угол и принялся за работу. Он подчищал рубанком длинные белые палки с загнутыми концами. От палок хорошо пахло свежим деревом.

— Лыжи! — сказал Серёжа. — Вот здорово! Михайло Иваныч лыжи делает!

Серёжа с уважением смотрел на медведя и так

и не отходил от него. И Таня примостилась тут же на лавочке.

— Михаиле Иваныч, а вы только лыжи делаете? — спросил Серёжа.

Медведь помолчал, подумал.

— А что ж ещё?

— А можно такие большие лыжи сделать, с санками, чтобы впереди — лыжник, а сзади, в санях, пассажир?

— Это какой же, например, пассажир?

— Да вот она, например. — И Серёжа показал на сестру.

— Такие санки с умом надо делать, — сказал медведь подумав, — а то тяжелы будут, не свежёшь. А сам не пробовал сделать?

Серёжа замялся.

— Он пробовал! — воскликнула Таня. — Он знаете какую машину делает: она и летает и плавает... Ой, Серёжа, ты что толкаешься?

— А ты не болтай!

— Что ж за машина такая? — заинтересовался медведь. — В лесу проедет или как?

— Она ещё не готова, Михайло Иваныч, — вздохнул Серёжа, — а нам очень нужно спешить, мы очень торопимся!

— Это куда же? — осведомился медведь.

— К маме! — сказала Таня. — В дом с волшебными окнами!.. Ой, Серёжа, ты что это сегодня толкаешься?

— А ты не болтай!

Но медведь сделал вид, что ничего не слышал. Он продолжал строгать, и дети не спуская глаз смотрели на его работу.

— Сколько стружек! — тихонько сказала Таня. — И какие они хорошенькие, жёлтые!

— А хотите, миленькая девочка, я вам этих стружек в корзиночку насыплю? — засуетилась лисичка.



Санки остановились у крыльца, и большой бурый медведь показался на пороге.

Таня вопросительно посмотрела на Серёжу.

— Ерунда! — засмеялся Серёжа. — Зачем нам стружки?

— Ну, тогда яблочков покушайте! Вкусненьких! Мороженных! — И лисичка побежала в погреб.

А Серёжа попросил не без робости:

— Михайло Иваныч, можно мне построгать немножко эти лыжи?

— Отчего же, — помолчав, согласился медведь. — Построгай малость. Быстрей справимся.

Михайло Иваныч оставил работу, отошёл к печке и стал раскуривать от уголька свою чёрную трубку. Сидит у печки, раскуривает трубочку, а сам одним глазом смотрит на Серёжу.

А Серёжа с увлечением принялся строгать.

Чши! Чши! — запел рубанок в Серёжиных руках.

Потрескивают дрова в печке, медведь трубочку покуривает, Серёжа строгаёт лыжи, а Таня на лавочке сидит и то на огонь смотрит, то на Серёжу. Хорошо бы он поскорей лыжи сделал! Очень к маме хочется!

А Морозко согрел у печки руки и стал большой иглой зашивать дыру в валенке.

— «Не полагается!»! — ворчал он, разглядывая валенок. — Ишь ты, «не полагается»... Сколько служу, а новых валенок не выслужил...

Михаиле Иванычу, видно, давно надоела Морозкина воркотня, и он громко запел:

Я лыжи детям делаю,
Прочней вам не сыскать.
Секрет таков: лишь смелые
Их могут надевать.
Трусика в яму упадёт,
А смелый на гору взойдёт!

— А куда на них можно дойти? — тихонько спросила Таня.

— А это смотря по тому, кто наденет, — подумав, пробасил медведь.

— Да куда хочешь, милая, — сказал Морозко.

— А если я надену? — сказала Таня. — Я ведь ещё плохо езжу. — Она посмотрела на брата и вздохнула.

— Не беда — дорога научит, — пробурчал медведь.

— Научит, научит, — подтвердил Морозко, откусывая нитку.

— Нам ведь торопиться надо, дедушка, — сказала Таня. — Мы очень торопимся! Нас мама ждёт, — прошептала она, оглядываясь на Серёжу, который продолжал строгать.

Морозко повертел в руках валенок — ох, и старый же! — и, словно нехотя, словно ни к кому не обращаясь, посоветовал:

— А вы Михаила Иваныча попросите, он вам самые быстрые лыжи даст!

— Даст, миленькая девочка, даст, — пропела лисичка.

Она вернулась из погреба с лукошком, полным белых, подёрнутых морозцем антоновских яблок, с деревянной чашкой, в которой краснела клюква.

— Кушайте, миленькие, кушайте! — угощала она детей.

Таня попробовала: до чего же вкусно! Клюква пересыпана не то снежком, не то сахаром — так и хрустит на зубах! А яблоки с кислинкой и такие холодные, что сразу заболели зубы. Но всё равно вкусно!

— Таня, простудишься! — строго сказал Серёжа. — Мама тебе не разрешает есть холодное!

А сам с удовольствием ел яблоко. Ой, какое холодное — в руке и то долго не удержишь!

— Кушайте, миленькие, кушайте! — суежилась лисичка. — У нас яблок много! Михайло Иваныч у нас такой запасливый хозяин, такой хороший!

— Да не юли ты! — прикрикнул на неё медведь. — Пойди лучше малого побуди — что он всё спит да спит!

— Иду, иду! — засуетилась лисичка и юркнула за пёстрым ситцевым пологом.

Глава седьмая

ПЛЮШЕВЫЙ ПРИЁМЫШ

Мишка, спи,
Не сопи.
Лапа Мишкина, усни,
Лапа будет трогать сны.
По мху
сту-
пать,
По-
хру-
сты-
вать...
Ухо Мишкино, усни,
Ухо будет слушать сны.
Будут спиться Мишке
Шор-
шур-
шишкн...

Лисичка юркнула за полог и не возвращается. А Тане так хочется посмотреть, что там!

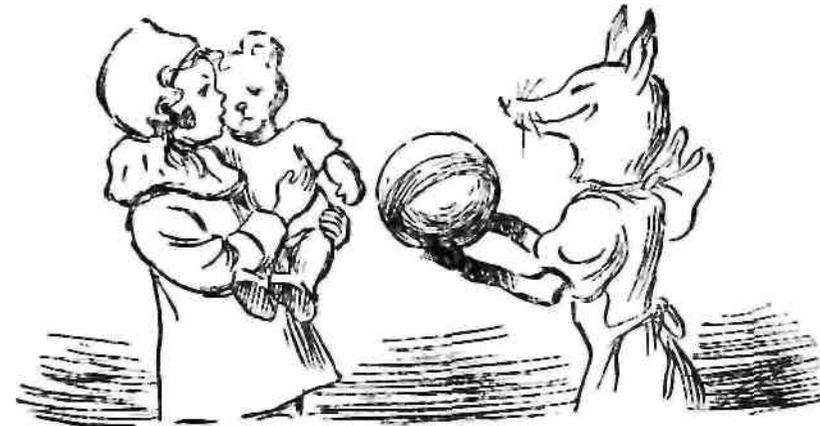
Она и заглянула в щёлочку.

А там стоит колыбелька! Вся резная, деревянная.

Таня немножко раздвинула полог:

— Можно мне маленького посмотреть?

— Можно, миленькая девочка, можно, — разрешила лисичка и впустила Таню.



А за пологом в деревянной колыбельке сладко спал плюшевый медвежонок.

— Ой, какой хорошенький! — умилилась Таня. — А как его зовут?

— Мишуткой зовут, миленькая девочка, — сказала лисичка. — Маленький ещё, вот и спит всё.

— И что за малый! — проворчал за занавеской Морозко. — Всё спит да спит, хоть бы разок проснулся!

— Ой, ну какой хороший! — восхищалась Таня. — А откуда он у вас, дедушка Морозко?

— На дороге нашёл, милая. — И Морозко понизил голос. — Я ведь тут не живу, только погреться захожу. В обед да в свой выходной, если хозяин отпустит. Мне малого и девать-то некуда. А Михайло Иваныч сказал: «Я возьму!» А он мужик серьёзный, мастер хороший, я его и уважил. Да что толку? Вот и няньку нашли, юлу такую, а дитя всё спит да спит!

— А можно, я попробую его разбудить? — сказала Таня.

Она вынула медвежонка из колыбельки и прижала его к себе.

Медвежонок был тёплый, плюшевый, сонный... Когда Таня прижалась к нему щекой, ей показалось, что он вздохнул... Нет, не просыпается. И глаза закрыты!

Серёжа просунул голову за занавеску.

— Таня, — сказал он, — нам надо идти! Вот заигралась и всё забыла! Как маленькая! А я уже кончил работу!

— Ой, не забыла, Серёженька, что ты! Только мне медвежонок жалко... А ты лыжи сделал? Правда?

— Помог немного. А теперь идти надо. Ты смотри, уж ночь совсем!

— Сейчас пойдём, вот сейчас!.. Ну ещё минутку подожди!

Лисичка подперла лапкой щеку, смотрит на Таню и вздыхает:

— Ой, погостили бы у нас ещё немножко! Мы бы с вами, миленькая девочка, вместе малыша нянчили, вместе хозяйничали. И в «дурачка» бы с вами играли вечером, и на саночках катались днём...

Таня слушает сладкие Лисичкины речи и прижимает к себе медвежонок. А Серёже становится жалко сестру — на дворе такой мороз, а здесь хорошо, тепло...

— Знаешь что, Таня, — говорит он, — я пойду один, а потом мы с мамой придём за тобой.

Таня сразу вскакивает с места. Тёплой, сонной дрёмы как не бывало.

— Ой, что ты, Серёжа, разве можно? Ведь мама ждёт нас! Пойдём скорей!

— Да куда вы пойдёте, миленькая девочка? — запричитала лисичка. — На дворе снегу сколько навалило!

— Замолчи, юла! — прикрикнул на неё Морозко. — Михайло Иваныч им лыжи даст, живо доедут.

— Готовы! — рявкнул медведь, кладя на стол две пары отличных лыж. — Вдвоём делали... А то не управиться бы. — И он кивнул на Серёжу.

Таня положила медвежонок в колыбель. И снова вынула. Она никак не могла с ним расстаться.

А Морозко о чём-то шептался с Михаилом Иванычем.

— Ладно. Пускай берёт! — вдруг пробасил медведь и снова взялся за работу.

И больше он ни на кого не смотрел и словно забыл о детях.

Но Таня уже всё поняла: ей разрешили взять медвежонок с собой!

— Малому свежий воздух полезен, — сказал Морозко. — На обратном пути занесёшь.

— Занесу, дедушка Морозко! — радостно согласилась Таня, прижимая к себе медвежонок.

— А вот ему игрушка на дорожку. Возьмите, миленькая девочка, — прошептала лисичка вздыхая.

И подала Тане тугой красно-синий мячик. И откуда она его взяла? Может, тоже нашла на дороге?

Морозко, насупив седые брови, сердито посмотрел на лисичку, и та сейчас же юркнула к себе за полог.

— До свиданья! — сказала ей вслед Таня.

Пёстрый полог, усыпанный ягодками клюквы, заколебался, плутовская рыжая мордочка высунулась оттуда и сейчас же исчезла. До свиданья, лисичка, кто знает, встретишься ли ты ещё нам на пути.

Дети взяли лыжи, простились с хозяевами и вышли на крыльцо.

Морозко, побряхтев, надел тулуп и тоже вышел — проводить их да заодно посмотреть, всё ли в порядке в лесу.

А на краю крыши сидел, свесив ножки, месяц и щёлкал подсолнушки.

Увидев Морозка, месяц испугался и, быстро перебирая ножками, полез на трубу.

Глава восьмая
У ВОРОТ ИГРАЛОЧКИ

Мы звонкие ворота
Игрушечной страны,
Скажи скорей нам, кто ты,
Какие видишь сны.

Хороший был, видно, мастер Михайло Иваныч.

А может, и не мастер тут был причиной, а дорога. Но только не успели дети опомниться, как взлетели на высокую гору.

Далеко позади остался бревенчатый медвежий дом и старый лес вокруг него. А впереди виднелся незнакомый город.

На городских воротах сидел месяц. Он кивнул детям своей остроконечной шапочкой, как знакомым, и блестящим пальцем показал на ворота.

Дети приподнялись на цыпочки и увидели дом с волшебными окнами!

Они быстро скатились с горы и подошли к воротам.

— Давай снимем лыжи, — сказал Серёжа, — а то они унесут нас сразу на другой конец города.

Дети начали снимать лыжи, а когда выпрямились, месяца на воротах уже не было — опять ускакал куда-то. •

Серёжа постучался в ворота, но никто не откликнулся.

Ворота были заперты, и столько снега лежало наверху, как будто их не открывали уже очень давно.

162

Серёжа постучал сильнее. Снег посыпался с ворот, закружился в воздухе, и вдруг ворота качнулись, закрипели и стали раздвигаться и сдвигаться, как большая гармоника.

Они раздвигались и скрипели:

Мы ворота, мы не спим,
Мы скрипим, скрипим, скрипим!

— Серёжа, ты слышишь? — шёпотом сказала Таня. — Ворота поют!

— Не поют, а скрипят, — сказал Серёжа. — А про что скрипят, непонятно.

— А я понимаю, — сказала Таня. — Ты слушай, слушай хорошенько!

Тут ворота опять закрипели, и теперь даже Серёжа услышал песенку, которую они пели. А пели они вот какую скрипучую песенку:

Скрипеть нам не велели,
Но скрыть не вмоготу:
Скрипучие качели
Скрипят у нас в саду.

Скрипят на ветках груши, —
Послушай, как скрипят!
В саду Страна игрушек,
Но нет в саду ребят!

Скрипеть нам не велели,
А петь мы не хотим.
Скрипеть нам не велели,
А мы скрипим, скрипим!

— Вот видишь! — сказал Серёжа. — Какая же это песня? Один скрип!

— А мне всё-таки нравится! — сказала Таня. — Ведь они приглашают нас войти!

163

Она попробовала заглянуть в сад в то время, как ворота раздвинулись. Ей показалось, что она увидела деревья и на деревьях — груши, о которых пели ворота.

А за деревьями был дом — Таня снова его увидела! Чудесный дом с блестящими окнами!

И только она его увидела, как услышала знакомые быстрые слова:

Там такие разговоры,
Там лежат игрушки горы,
Этот дом найти сумеете,
В этот дом войти посмейте!

— Дом с волшебными окнами! — закричала Таня. — Он за этими воротами, посмотри, Серёжа!

Но ворота, словно дразнясь, захлопнулись перед самым Сережиным носом! Они ещё разок проскрипели :

Мы ворота, мы не спим,
Мы скрипим, скрипим, скрипим! —

и больше уже не раздвигались.

— Что же нам теперь делать? Серёжа, придумай что-нибудь!

— «Придумай!»! Тут надо действовать, а не придумывать!

И Серёжа попробовал открыть задвижку, но ворота только поскрипели в ответ.

— Дай-ка я, — сказала Таня.

Одной рукой она держала медвежонка, в другой был зажат мячик.

И Таня недолго думая кинула мячик в ворота.

Мячик стукнулся в самую середину, в самую задвижку! И вдруг ворота начали открываться!

Мячик быстро отскочил обратно, в Танины ру-

ки. А ворота открывались всё шире и шире, и скрипели, и пели открываясь. Они пели свою песенку совсем громко, во весь голос, но песенка у них теперь была другая. И вот что они пели:

Направо и налево —
Везде лежит она,
Игралочка, Игралочка,
Чудесная страна.

Возьмёшь игрушку в руки —
Откроется она,
Игралочка, Игралочка,
Чудесная страна.

И на словах «чудесная страна» за широко распахнувшимися воротами открылась странная, волшебна освещенная улица.

Глава девятая

ДВА МЕДВЕДЯ

И дети будут песни петь,
Рассказывать спросонок
О том, как был суров медведь
И ласков медвежонок.

Снег был голубой, и розовый, и зелёный — это освещали улицу маленькие смешные фонарики, похожие на погремушки.

Улица была чистенькая, блестящая, совсем новая, а дома на ней были похожи почему-то на аккуратные картонные коробки, расставленные и разложенные вдоль мостовой.

Но дома с волшебными окнами не было.

А ведь только что Таня так ясно видела этот

дом! И думала, что вот сейчас встретится с мамой!

Надо было снова отправляться на поиски. А улица была совсем тихая. Улица спала.

Дети шли, взявшись за руки, и попадали то в зелёные, то в красные, то в жёлтые лужи яркого света, разлитого по мостовой. Танины ботики становились то зелёными, то жёлтыми — Таня даже потрогала их рукой, чтоб узнать, не пристала ли к ним краска.

Дети дошли до конца улицы и остановились. Всё было тихо, все окна и двери были закрыты.

— Как тут крепко спят! — сказала Таня. — Мы простоим всю ночь на улице.

— Ерунда! — сказал Серёжа. — Разбудим!

Они стояли возле домика с остроконечной крышей. Таня часто рисовала такие дома в своих тетрадках.

— Постучи, Серёжа! — сказала она. Серёжа тихонько стукнул в маленькое неосвещённое окно.

— Постой тихо, — сказал он. — Я что-то слышу. В этом доме кто-то живёт!

Но Таня ничего не слышала.

— Отоприте, пожалуйста! — сказала она, соскучившись, и тоже стукнула в окошко. — Нам очень нужно у вас что-то спросить.

Тут и она услышала какие-то звуки. Похоже было, что в домике кто-то сладко храпит.

— Мишутка, маленький, — сказала Таня, прижимая к себе медвежонка, — почему это нас не пускают? Ты озябнешь тут на улице.

Она не могла понять, как это случилось, но медвежонок в ответ потёрся своей тёплой плюшевой щекой о её щёку и толкнул лапой окошко.

Храп прекратился, послышалось сонное ворчание, и густой бас спросил:

— Кто там?



— Зачем пожаловали?

— Мы, — ответила Таня. — Серёжа и я.

— «Серёжа и я»!.. — проворчал бас. — Почему же это «Серёжа и я» должны по ночам будить честных людей?

В ту же минуту крыша отделилась от домика и стала подниматься. А под нею поднималась большая байковая медвежья голова.

— Зачем пожаловали? — грозно спросила она

у ребят. — Молчат! Да вы что, игрушечные, что ли? Вы что молчите?

— Не кричите на маленьких, — сказал вдруг чей-то мягкий, бархатный голосок.

Нет, это был не Серёжин голос. Таня тревожно оглянулась.

— Они немножко вас испугались, — продолжал тот же голосок, и медвежонок мягко спрыгнул с Таниных рук и подошёл вперевалочку к домику.

— Ну, наконец-то я услышал разумную человеческую речь! — проворчал медведь. — Что же вам нужно, малыш?

— Мы ищем дом с волшебными окнами, — сказал медвежонок и очень вежливо попросил: — Покажите нам, пожалуйста, где он!

— Серёжа, ты слышал? — шепнула Таня. — Мишутка разговаривает! Такой маленький и так хорошо говорит!

— Ну прямо примерный ребёнок! — недовольно поморщившись, сказал Сережа. — Уж будто мы сами не можем спросить дорогу!

Да, плюшевый медвежонок Серёже, очевидно, не очень нравился... Да и какой мальчик Серёжиного возраста стал бы водить компанию с таким существом!

Но надо сказать, что и байковый медведь уже недовольно косился на медвежонка.

— На нашей улице нет такого дома, — проворчал он. — И вообще, я не желаю с вами разгова-

ривать, малыш. Вы, видно, стали уже совсем ручным.

И тут громко захлопнулась крыша, закрыв дом и медвежью голову.

— Это совсем ещё дикий медведь, — извиняющимся тоном сказал медвежонок. — Придётся нам пойти дальше.

Но в этот момент крыша снова приподнялась, и байковый медведь сердито закричал:

— Ищите — и найдёте! Понятно?

И крыша с шумом захлопнулась снова.

Глава десятая

ДЕДУШКА МЯЧ И БАБУШКА КУКЛА

Там окошки голубые,
Дым над маленькой трубой.
В этот дом вошли впервые
В раннем детстве мы с тобой.

— Серёжа! — воскликнула Таня. — Серёжа, смотри!

Дети только что свернули в переулок, и что за странный это был городок — на улице Большого Медведя ещё была зима, а тут начиналось лето!

Зелёные липы росли вдоль переулка — такие зелёные и плоские, словно лопатки, воткнутые ручками в землю.

А среди лип стоял дом. Когда это дети бывали в нём? Может быть, давно-давно, когда были ещё совсем маленькими. Или он приснился им когда-то?..

У ворот стояли саночки, запряжённые белыми мышами. Наверно, они приехали издалека, потому что на полозьях был настоящий снег.

Саночки стояли, и белые мыши спали. Наверно, они быстро мчались из далёкой страны и очень устали.

Ограда вокруг дома была сделана из цветных очинённых карандашей — зелёных, красных, синих.

Не колышками ли этой ограды раскрашивали дом — так он был ярок и цветист!

А может быть, его построили сразу из разноцветных кубиков.

Башенка на доме походила на пёструю пирамиду. Когда Таня была совсем маленькой, она называла такую пирамиду «так-так», потому что, складывая её для Тани, мама всегда приговаривала: «Так... так...»

Может быть, и эту башенку сложила мама? Может быть, она где-то здесь, поблизости?

На открытом окне висела клетка с птицами. Птицы спали. Но в домике, видно, не спали. Там, наверно, топили печь, потому что дым из трубы так и валил и улетал прямо в небо цветными прозрачными шариками.

— Вот бы мне такой шар! — вздохнула Таня.

— Хочешь, поймаю? — спросил Серёжа.

И домик и шары ему, видно, нравились.

— Подожди, давай посмотрим сначала... Ой, Серёжа, ты погляди, — сказала Таня, — у всех шариков на боку нарисованы петухи! Наверно, в печке жарят петуха. Да, Серёжа?

— Может быть, — согласился Серёжа. — Хотелось бы мне знать, для чего это из клетки висит такая длинная нитка?

Тут он ловко дёрнул нитку, и птицы сейчас же проснулись и застучали носами.

— Кто там? — спросил мягкий голос, и в окошке показалась аккуратная ватная старушка. — Входите, детки, входите, — ласково сказала она. — Дедушка, гляди-ка, кто пришёл!..

И в другом окне сейчас же показалась совершенно круглая, белая как лунь голова.

Голова выглянула так стремительно, что чуть не выпрыгнула в окно вместе с дедушкой.

— Дедушка Мяч! — крикнул Серёжа и подпрыгнул от восторга.

— Бабушка Кукла!.. — засмеялась Таня.

Глава одиннадцатая

ДЕДУШКА МЯЧ ДАЕТ ДЕТЯМ НАСТАВЛЕНИЯ

Я к бою был всегда готов,

Я прыгал выше облаков!

Не успела открыться дверь, как прямо в объятия дедушки Мяча прыгнул Мишуткин красно-синий мячик.

Какие тут начались прыжки и восклицания! Да и как же было не обрадоваться красно-синему мячику — ведь он попал в свой родной дом, к собственным бабушке и дедушке.

И тут сразу оказалось, что его зовут Булька и что он прыгает по полу на коротеньких, толстеньких ножках и энергично размахивает толстенькими ручками. И как это они у него появились?

А хохотал он так громко, что в домике всё звенело и рюмки так и подскакивали в буфете, так и подпрыгивали вместе с чашками.

— Хо-хо-хо! — кричал Булька. — Я очень доволен! Я очень доволен! Ой, сейчас лопну! — и прыгал на шею к дедушке Мячу и бабушке Кукле.

А Таня прижималась к бабушке Кукле и заглядывала ей в глаза:

— Бабушка Кукла, ведь это вы приезжали к нам на саночках? Это вас везли белые мыши?

— Может быть, девочка, может быть... Ведь я побывала в гостях у всех детей на свете...

— Значит, и у нас были?

— Значит, и у вас.

— И мою маму знаете?

— И твою маму знала когда-то. И твою бабушку тоже.

— Ой, даже бабушку знали? Как интересно! А какая она была, моя бабушка? Я её не помню.

— О, она была очень хорошая девочка.

— Бабушка — девочка? — удивилась Таня. — Вы её знали, ещё когда она была девочкой?

— Ну, ведь я только с девочками и дружу. Знаешь, старушкам со мной почему-то неинтересно разговаривать, хоть я сама уже бабушка! — И она засмеялась.

— И мамам неинтересно?

— Да, дружок мой, им со мной скучно.

— Ой, а мне с вами так интересно! — воскликнула Таня. — Почему это, бабушка Кукла?

— Да потому, что ты ещё маленькая, — ласково сказала бабушка Кукла. — Но мне, по правде говоря, казалось, что и ты меня уже начала забывать... Как когда-то твоя мама. — И она пробормотала тихонько:

Не играют — забывают,
Забывают — не играют...

Тане эти слова показались очень знакомыми. Право, она уже слышала их однажды! Ей очень хотелось расспросить об этом бабушку Куклу, но Булька не дал им поговорить. Он снова прыгнул на шею к бабушке Кукле, и та наконец рассердилась:

— Вот баловник! Весь в деда — минутки на месте не посидит!.. Садитесь, детки, садитесь, отдохните с дороги.

— Разве можно сидеть на одном месте? —



кричал Булька. — Разве можно сидеть на одном месте?

— И можно и должно, — кротко сказал медвежонок. — И дети устали, и я бы поспал.

Он оглянулся, разыскивая тёплое местечко, и направился вперевалочку к печке.

— Все мы не устали, — сказал Серёжа, — это сам ты соня!..

Но бабушка Кукла уже накрывала на стол и вынимала из печки какое-то очень ароматное и, должно быть, вкусное кушанье.

— Кушайте, детки, кушайте, — приговаривала она, усаживая гостей. — Это песочные пирожные, я пеку их всегда из самого свежего песка.

— Молодец, бабушка! — крикнул Булька.

— Хозяюшка! — крикнул дедушка Мяч и так подпрыгнул на стуле, что все пирожные рассыпались и на блюде осталась только горка чистого золотистого песка.

— Вот я вас! — рассердилась бабушка Кукла, — Не дадут детям поесть!..

Но больше всех огорчился медвежонок — уж он-то, видно, любил полакомиться.

Бабушка Кукла дала ему большой кусок сахара, и только тогда он успокоился.

— Вы, может быть, приляжете, детки? — сказала бабушка Кукла.

— Да, я тоже думаю, что детям нужно отдохнуть, — облизываясь, сказал медвежонок.

— Вот ещё паинька какой выискался! — рассердился Серёжа. — Недаром всё время с девочками водится. Нам, дедушка, надо идти. Мы ищем дом с волшебными окнами, — решительно прибавил он. — Там наша мама ждёт нас!

— Разве можно сидеть на одном месте? — выпалил, подсакивая, Булька.

— Да подожди ты! — прикрикнул на Бульку дедушка Мяч.

Как только Серёжа сказал про дом с волшебными окнами, дедушка Мяч сразу стал серьёзным.

— Дом с волшебными окнами? — сказал он. — Слышал я о нём! Слышал! И воевал я из-за него, дети! Воевал!

— Как, дедушка, разве вы были военным? — удивился Серёжа.

— А как же! — подпрыгнул дедушка Мяч. — Я много дрался на своём веку! Я получил не одну рану! Бабушке пришлось-таки повозиться, зашивая их! Она мастерица на такие заплатки!

— Да, — вздохнула бабушка Кукла, — ты был неугомонный драчун, дедушка, ты без толку совал свою голову во всякую драку.

— Ну-ну, — сказал дедушка Мяч, — потише, бабушка!.. Когда я был молодым, вот таким, как Булька, я и правда любил подраться! Но и тогда, дети, — запомните это! — я дрался только на стороне ребят! Я всегда был ребячьим другом!

Я любил движение! Любил детский смех! Я любил справедливые игры! Если кто-нибудь в игре обижал слабого, если какой-нибудь трус исподтишка подставлял на поле игры подножку, я обрушивался ему прямо на голову! Я бил его без пощады!

И дедушка Мяч так стукнул по столу своей сильной рукой, что даже бабушка Кукла подпрыгнула на месте.

— А ты не шуми, не шуми, — заворчала она, — тут тебе не враги.

— Тут не враги, а врагов они скоро встретят! — строго сказал дедушка Мяч и посмотрел на ребят.

А Серёжа так и впился в него глазами и даже вскочил со стула.

— Какие враги? — закричал он, сжимая кулаки. — Где они?

— Эге! А ты, кажется, уже готов подраться, — сказал дедушка Мяч. — Ну что ж, правильно! Молодец!

И дедушка Мяч так стукнул кулаком по столу, что задремавший медвежонок чуть не свалился со стула. Хорошо, что бабушка Кукла вовремя подхватила его. А Булька от восторга так подпрыгнул, что перелетел через стол. Бабушка Кукла шлёпнула его, отчего он ещё разок подпрыгнул, и усадила на место.

— У-у, опять развоевался, старый! — заворчала она на деда. — И внука сбиваешь, и мальчику зачем-то голову морочишь. Да какие тут враги, да где они?

Дедушка Мяч подмигнул Серёже — не ображай, мол, на неё внимания — и сказал серьёзно:

— Эх, бабка, бабка, и когда ты уму-разуму научишься? Ведь уже не маленькая, кажется. Ты слушай, мальчик: дом с волшебными окнами здесь! У нас! В Стране игрушек! Но дорога к нему заколдована. И стережёт её наш самый страшный враг — Оловянный Генерал!

ПЕРВЫЕ СЛУХИ ОБ ОЛОВЯННОМ ГЕНЕРАЛЕ

Он ненавидел
Шум и смех,
Он ненавидел
Всё и всех.

Странные вещи рассказал детям дедушка Мяч. Он рассказал им, что Оловянный Генерал ненавидит всякое веселье, шутки и смех.

Говорят, что за всю свою жизнь он ни разу не улыбнулся! От чужих улыбок у него начинается сердцебиение. А если кто-нибудь громко засмеётся, то у Оловянного Генерала начинается припадок бешенства.

А ведь самые весёлые на свете люди — это дети!

И вот Оловянный Генерал ворвался в Страну игрушек. Он хотел её всю уничтожить! Чтобы не было больше весёлых игрушек у детей, чтобы выросли из них злые и мрачные люди.

— Но нет! — Дедушка Мяч стукнул по столу кулаком. — Не удалось ему это! Не вышло! Мы отстояли свою страну. Да не всю... Оловянному Генералу удалось захватить у нас Город забытых игрушек. Что и говорить, невесёлый это город — ведь в него никогда не заглядывают дети. Да мы-то с бабушкой нет-нет, а заходили туда — на старину поглядеть-подивиться, а чему-нибудь и поучиться. И наших мастеров туда водили. А теперь в этом городе Оловянный Генерал. Теперь там его порядки...

И дедушка Мяч мрачно покачал головой.

Серёжа, насупившись, слушал деда.

— Какие же у него порядки, дедушка Мяч?

— А вот какие,

И дедушка Мяч рассказал ребятам об этом странном городе Оловянного Генерала.

Говорят, что Оловянного Генерала раздражает даже тикание часов, которое напоминает ему о том, что идёт время, что в мире что-то движется, и поэтому он приказал остановить все часы в своём городе.

В его городе совсем не движется время, в его городе никогда не наступает Новый год, и беда тому, кто попадёт к Оловянному Генералу: он навсегда останется в Старом году.

Но тот, кто сумеет выбраться из Города забытых игрушек, тот непременно найдёт дом с волшебными окнами, потому что на самом пути к нему стоит печальный город Оловянного Генерала.

Ходят слухи, что пробраться через Город забытых игрушек могут только дети — настоящие живые дети, которые не побоятся Оловянного Генерала и его хитрых слуг.

Нелегко придётся этим детям: Оловянный Генерал жесток и коварен, а слуги его хитры; говорят, что на службе у него состоит сам разбойник Ветер.

Когда-то он бродяжил по большим дорогам и пел вольные разбойничьи песни, но Оловянный Генерал заманил его к себе, посулил ему несметные богатства и поселил в его сердце жадность. С тех пор стал разбойник Ветер ледяным и коварным.

Говорят даже, что Оловянный Генерал научил его принимать человеческий облик!

И беда тем детям, которые встретят его на пути.

— Мы уже встретили его, дедушка Мяч, — сказала Таня. — Нам было так холодно в лесу, и он чуть не увёл от меня Серёжу!..

— Мальчик, ты слышишь, что говорит твоя сестра? — подскочил дедушка Мяч. — Она не ошиблась?

— Нет, она правду говорит, — решительно сказал Серёжа. — Это был Ледяной Ветер!

— И вы не испугались? Молодцы, ребята! — закричал дедушка Мяч. — Ну что, старая, видишь теперь, кто ребятам не даёт идти вперёд, кто хочет разлучить их с матерью! Да они не испугались. Молодцы!

И дедушка Мяч подскочил к ребятам:

— Так вы, может, и Оловянного Генерала не побоитесь? И через Город забытых игрушек пойдёте?

— Ну конечно, пойдём, — сказал Серёжа и сердито посмотрел на разбушевавшегося деда. — Что мы, трусишки, что ли?

— Э, нет, не трусишки, — сказал дедушка Мяч. — Храбрые ребята! Молодцы! И ты и твоя сестра. Но вот ведь какая штука: у Оловянного-то Генерала войско! У Оловянного Генерала пушки! Машины! А у тебя что есть, мальчик?

Серёжа сжал кулаки:

— Мы всё равно пойдём! Эх, если б тут была моя машина!

Дедушка Мяч подпрыгнул.

— Машина? А какая? — живо спросил он.

Но Серёжа покачал головой:

— Она ещё не достроена.

— Так, так, — сказал дедушка Мяч и вдруг обернулся к бабушке Кукле: — Ты что это там шепчешь, старая?.. Как — ничего? Я слышал, ты сказала: «А теперь пора идти, может, выстроишь в пути!»

— Да слышалось тебе, слышалось, — сказала бабушка Кукла. — А вы, ребятки, собирайтесь в путь. Мой совет вам — не бояться, не бегать...

— Только, чур, не опоздать, — тихонько подхватила Таня. — Мишутка, дай мне лапу. Булька, не скачи так! Ты устанешь, а нам надо далеко

идти... — И она оглянулась на брата. — Серёжа, а вдруг мы будем очень долго искать этот дом, — грустно сказала она, — и опоздаем на встречу... и никогда не увидим маму...

— Пустяки! — закричал дедушка Мяч. — В нашей стране время летит быстрее, чем везде!

— Старые люди говорят, — прибавила бабушка Кукла, — что за игрой не замечаешь времени.

Глава тринадцатая

КУДА ИСЧЕЗ РЕЗИНОВЫЙ КРОКОДИЛ?

Скользкий, гладкий и зелёный,
Раздражённый, обозлённый.
Он в шкафу у вас живёт.
Если вы его надули
И оставили на стуле —
Он со стула уползёт.
Поскорей его найдите,
Поскорей его заприте!

Было уже совсем светло, когда дети вышли из дома дедушки Мяча и бабушки Куклы. Жизнь так и кипела на ровных улицах и в блестящих коробках-домиках.

Куда идти? Направо? Налево? Вперёд?

Дети остановились — надо было перейти улицу. А по мостовой катились без остановки большие деревянные грузовики, нагруженные пёстрым строительным материалом. Они везли его на большую площадку, где блестящий новенький экскаватор загребал свежий жёлтый песок и опрокидывал его в грузовик. А рядом с экскаватором было сложено очень много разноцветных кирпичиков — видно, тут собирались строить большой новый дом.

Немного подальше лежали аккуратные, чистенькие стены и крыши складных домиков. И на месте стройки развеялся красный флажок — совсем такой же, какой остался у Тани дома!

Маленькие лёгкие автомашины с пронзительным криком «би-би» мчались вперёд и назад. Таня с трудом удерживала рвавшегося им навстречу Бульку.

Неторопливой трусцой бежали ослики, навьюченные пачками леденцов и печенья. Медвежонок только сладко облизывался, глядя на них.

И вдруг посреди улицы грузно прошёл, покачивая головой, большой серый слон. Вероятно, поблизости был зверинец. А может быть, цирк.

И действительно, очень скоро дети услышали о цирке.

Как только они перешли мостовую, из подворотни прямо им под ноги выскочил весёлый лохматый щенок с пачкой газет в зубах.

— Необычайная ав-вария! — звонко протяв-кал он. — Сбежал крокодил! Из циркового бассейна удрал Резиновый Крокодил! Что смотрит зав? Ав! Ав!

Дети невольно остановились.

— Вот это да! — сказал Серёжа. — Таня, ты слышала? Вот уж не думал, что резиновые крокодилы умеют бегать!

— Ой, они, наверно, очень хитрые! — сказала Таня и опасливо посмотрела по сторонам. — Серёжа, а как ты думаешь, куда это мог сбежать Резиновый Крокодил?

— А вы не знаете? — крикнул, пробегая мимо, маленький, совершенно розовый мальчик в блестящей зелёной кепке. — Все наши мальчики и девочки знают, куда убежал Резиновый Крокодил, а вы не знаете!.. Э-э, не знаете!..

Он показал ребятам блестящий розовый язычок и побежал дальше.

— Стой! — крикнул Серёжа. — Подожди! — И он схватил малыша за руку.

— Ты что хватаешься? — обиженно пропищал розовый мальчик. — Отпусти меня, слышишь?

— Слышу, — сказал Серёжа, — сейчас отпущу. Только сначала покажи нам дорогу в Город забытых игрушек.

Розовый мальчик испуганно завертел головой:

— Вот ещё! Стану я туда показывать дорогу! И он снова попытался вырваться из Серёжиных рук.

— У кого бы это спросить? — сказал Серёжа, оглядываясь и не выпуская малыша.

— И никто вам не скажет! — пискнул тот. — Все наши девочки и мальчики сегодня в цирке!

В цирке? Таня и Серёжа переглянулись. Вот интересно!

— А что там сегодня, в цирке? — живо спросила Таня.

— А вы не знаете? Э-э, не знаете! — подразнился совсем уже осмелевший малыш. — Там сегодня Весёлый Фокусник! Отпустите меня сейчас же, а то я опоздаю!

— Ой, как интересно! — обрадовалась Таня. — Серёжа, отпусти его скорей!

Но только Серёжа отпустил руку розового малыша и тот припустился бежать по улице, как из Таниных рук вырвался Булька и вприпрыжку помчался за розовым малышом.

— В цирк! — кричал он. — В цирк!

В несколько прыжков он догнал розового малыша, перепрыгнул через него и боднул головой проходившую мимо толстую даму в пышном платье.

— Караул! — закричала толстая дама. — Здесь дерутся!

Дети бросились догонять Бульку, и Тане уда-



лось поймать его, но в этот момент возле них появился милиционер и козырнул им туго затянутой в белую перчатку рукой.

— Гражданин, — строго сказал он Бульке, — если вы будете баловаться на улице, мы будем вынуждены посадить вас в сетку.

Услышав страшное слово «сетка», Булька мгновенно затих и спрятался за Серёжину спину.

— Он больше не будет, извините его, пожалуйста! — горячо заступилась Таня.

А Серёжа молча, хоть и сердито, загородил Бульку.

— То-то! — сказал милиционер и поднял руку в белой перчатке.

Сейчас же помчались блестящие бесшумные автомобили и стрекочущие мотоциклетки. И вдруг

по улице побежала целая толпа розовых мальчиков и девочек. Они увлекли детей за собой, и вскоре Серёжа и Таня с Булькой и медвежонком уже стояли у входа... Серёжа готов был поклясться, что у входа в шляпу!

Глава четырнадцатая

В ЦИРКЕ

Смотри, какая круглая арена.

Учёный слон сюда сейчас придёт. •

Слона увидит каждый непременно,

А тигра — кто не трусит, только тот.

Это была самая настоящая большая соломенная шляпа, лежавшая на земле доньшком книзу, полями кверху.

Конечно, на доньшке была арена, а на полях сидели зрители.

И как ни торопились дети, они решили «самую чуточку» посмотреть представление. Будет что рассказать потом маме!

Подумать только — цирк в шляпе!

Дети устроились в одной из лож на полях и стали с любопытством осматриваться.

Что тут было! Обезьянки в белых передничках бегали по рядам и раздавали мороженое. Весёлый и пёстрый народ шумел на скамьях: тут были и краснощёкие девочки с косичками, в накрахмаленных платицах — наверно, школьницы, — и слонята, и утята, и Кот в сапогах! На нём была зелёная бархатная шляпа с пером, и он очень важничал, но Таня заметила, что он кивнул ей, и даже покраснела от удовольствия.

Ещё тут были очень весёлые пёстрые Матрёшки, и поросята, и мохнатый белый щенок, и рыжая

лисичка с пушистым хвостом, и даже розовые грудные младенцы в колясочках, и маленькие медвежата в нагрудничках, — они ели мороженое и толкали друг друга лапами.

На самой верхней скамейке толкался и щёлкал подсолнушки какой-то парнишка в разноцветных штанах, и это очень сердило толстую белую зайчиху в ситцевом сарафане.

Булька так прыгал на своём месте, что несколько раз сваливался на головы сидевших впереди, но народ тут был добродушный, никто не обижался, и десятки рук подбрасывали Бульку обратно на его место.

И вдруг заиграл оркестр!

Это был настоящий оркестр — с настоящим дирижёром и настоящими музыкантами, но куда веселее тех оркестров, которые приходилось слышать детям.

Дирижёр так подскакивал на своём месте, что можно было подумать, будто он на резинке.

Он дирижировал не только руками, но и длинным носом, которым тут же стучал по голове сфальшививших музыкантов.

Да ведь это был Петрушка! Таня его сразу узнала.

А музыканты? Они играли на тех самых инструментах, на которых умеют играть самые маленькие дети. Обезьянка вертела ручку органчика, паяц звенел тарелками, заяц барабанил, кукла-мальчик дудел в жестяную трубу, кукла-девочка стучала деревянным молоточком по ксилофону.

А большой байковый медведь, их старый нелюбезный знакомый, играл на гармони.

Вот это была музыка!

Когда они начинали все вместе, некоторые слушатели зажимали уши и Серёжа морщился, но Таня смеялась и хлопала в ладоши.



Он дирижировал не только руками, но и длинным носом...

Но вот оркестр заиграл какой-то удивительно весёлый марш, и на арену выбежали лошадки на колесиках. Они очень быстро мчались на одном месте, и зрители держали пари, кто из них быстрее останется на месте.

Двое рыжих утащили лошадок за хвосты, и ловкие гимнасты стали кувыркаться на трапециях: вверх — вниз, вверх — вниз!

И только они кончили, как сверху стал спускаться на арену большой серебряный шар.

Булька так и подскочил от восторга, а медвежонок тихонько толкнул Таню лапой.

— Не правда ли, это шоколадный шар? — вежливо спросил он. — Надеюсь, нам дадут по кусочку после представления?

Но Таня не успела ответить. Шоколадный шар, спустившись, сам раскрылся на две половинки, из него выпрыгнул лётчик и весело кивнул детям. Он щёлкнул пальцем по одной половинке шара, потом по другой, и они сейчас же разлетелись шоколадками прямо в восхищённо открытые рты зрителей.

— Весёлый Фокусник! — закричали зрители.

Не кричал только медвежонок — ему было не до этого: он подбирал шоколадки, а заодно и обёртки от мороженого.

А Весёлый Фокусник поднял руку, чтобы зрители утихли, и неожиданно спросил:

— Смотреть умеете?

— Умеем! — закричали на скамейках.

— Сейчас проверю, — сказал Весёлый Фокусник и вытащил из кармана юлу. — Какого цвета эта юла, мальчик? — спросил он, обращаясь прямо к Серёже, так что тот даже смутился от неожиданности.

— Двух цветов! — крикнул Булька, всегда выскакивавший вперёд. — Двух цветов! Как я!

186

Серёжа тихонько толкнул Бульку в бок, но всё-таки повторил за ним:

— Двух цветов — жёлтого и синего.

— А сумеешь ты превратить её в зелёную? — важно спросил Весёлый Фокусник.

Серёжа подумал и честно признался:

— Нет, пожалуй, не сумею.

— Ты не умеешь смотреть, мальчик, — строго сказал Весёлый Фокусник и запустил юлу.

И что же — жёлто-синяя юла, как только начала вертеться, сейчас же превратилась в зелёную!

Ну конечно, Серёжа не раз держал в руках такую юлу и запускал её! И как только он не замечал до сих пор, что она меняет цвет?

А Весёлый Фокусник вертел юлу и не то приговаривал, не то напевал:

Погляди хорошенько, мой маленький друг,
Погляди поскорее вокруг!
Для того, кто внимательно смотрит, поверь,
Чудеса совершаются вдруг!

Только утром ты встанешь — открой свою дверь
И взгляни хорошенько кругом.
Это кто там рогатый? Какой это зверь?
Познакомься, дружок мой, с жуком.

Что ещё разглядел? Золотую пчелу?
А куда улетела пчела?
Ну, а здесь ты увидел на гладком полу,
Как танцует простая юла.

Пока Весёлый Фокусник пел, юла как-то увернулась от него и побежала по арене. Пробегая мимо Тани, она весело улыбнулась ей.

— Ну и вертушка! — сказал Серёжа пренебрежительно. — Ещё вертлявей, чем ты!

187

— А я вовсе не вертушка, — обиделась Таня. — Смотри-ка, она вертится к нам! И как ловко! Я ни за что так не сумею!

Серёжа снова посмотрел на маленькую балерину. А ведь правда, она очень ловко кружится!

А юла повертелась ещё немного и уселась совсем близко от ребят, расправляя жёлто-синие складки своей деревянной юбочки.

Серёжа засмотрелся на неё и вздрогнул от неожиданности, когда Весёлый Фокусник крикнул ему:

— Эй, мальчик, брось мне парашют!

— У меня нет никакого парашюта! — удивлённо сказал Серёжа.

Но Весёлый Фокусник уже вытаскивал у него из кармана носовой платок. Таня только ахнуть успела, а уж Весёлый Фокусник ловко завязал по углам платка узелки, сложил его и подбросил вверх.

И вдруг платок раскрылся и плавно, как настоящий парашют, опустился на землю.

— Смотрите лучше! Смотрите лучше! — весело крикнул фокусник. — В каждой вещи — игра! В каждой игре — фокус!

Тут, конечно, и Таня вынула из кармашка свой носовой платок и попробовала сделать то же самое, и, представьте, получилось!

А Серёжа поймал свой платок, расправил его и снова подбросил в воздух. И у него платок, как парашют, опустился вниз. Но на этот раз парашют опустился с пассажиром! На Серёжином платке спустился — кто бы вы думали? — Мишутка!

Таня, удивляясь и смеясь, подхватила его, и он тотчас же заснул у неё на руках. Да и как было не заснуть медвежонку, который съел столько сладкого!

Серёжа стряхнул со своего платка сладкие крошки и спрятал его в карман.

А Весёлый Фокусник продолжал проделывать чудеса с самыми простыми вещами.

Он снимал с шеи шарф, складывал его, и шарф неожиданно превращался в куклу, которая кивала ребятам, как знакомым.

Он привязывал к бумажке кусок резинки, и неожиданно то и другое вместе превращалось в вертолёт, и маленький быстрый вертолёт щёлкал по носу зазевавшихся зрителей.

Конечно, Бульке досталось несколько раз, потому что от любопытства и нетерпения он не переставал подпрыгивать; но даже Мишук высунул пушистый сонный нос из-под Таниной руки и мигом сунул его обратно, увидев крошечные вертолёты над самой своей головой.

Один такой вертолёт на резинке щёлкнул Серёжу по лбу, и когда тот взял его в руки, чтобы получше рассмотреть, то увидел, что бумажка сложена конвертом, а на конверте написано:

АДРЕС ДОМА С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ

Серёжа быстро вскрыл конверт и прочёл адрес:

Ехать на превращалке.

Остерегаться Резинового Крокодила.

Превращалка? Что это такое? Если на ней ездят — значит, это машина? А не похожа ли она... Не похожа ли она на его машину? На ту, что он строил? Ведь его машина тоже должна была превращаться и в самолёт и в пароход. Но ведь она ещё не достроена. И она осталась дома.

Серёжа так задумался, что вздрогнул от неожиданности, когда Булька закричал:

— Довольно вам сидеть на одном месте! Все уже уходят!

И действительно, цирк опустел: они одни ещё сидели в своей ложе.

Таня и Серёжа уже начали привыкать к тому, что в этой стране всё делалось очень быстро. Удивило их только то, что при выходе из цирка надо было предъявить билеты. А ведь впускали всех свободно, ничего не спрашивали!

Проверял билеты очень длинный худой человек в зелёной ливрее, с очень длинным зеленоватым лицом.

Он сразу кого-то напомнил детям.

— Серёжа, смотри, он похож на того человека в лесу, — шепнула Таня. — На того, который хотел тебя увести!

А зелёный билетёр уже протянул к ним руку за билетами, и Серёжа стал спорить с ним:

— Вы неправильно поступаете! Всех пускали без билетов!

Но зелёный билетёр неожиданно выхватил из Серёжиных рук вертолёт с запиской. Взглянув на него, он блеснул глазами и тут же отправил записку в рот.

— Ой! — вскрикнула Таня. — Что это он проглотил?

— Адрес! — закричал Серёжа. — Адрес дома с волшебными окнами!

И вдруг Булька ринулся головой вперёд на зелёного билетёра.

— Крокодил! — завопил он.

Началась свалка. Раздались свистки милиционера.

— Держи его, держи! — кричали Серёжа и Булька.

Но, когда милиционер явился и толпа раздвинулась, все увидели, что Булька держит в руках одну только зелёную ливрею, а Резиновый Крокодил успел ускользнуть! Со всеми билетами, а главное, с адресом, пусть не совсем понятным, но, наверно, точным адресом дома с волшебными окнами.

Глава пятнадцатая

СТАРЫЙ ФОНАРЩИК

Он зажигает фонари
Своей волшебной палочкой
И освещает до зари
Свою страну — Игралочку.

— Ну-ка, ребятки, пойдите сюда на минуту, — сказал чей-то старческий ласковый голос.

И дети увидели старика в мохнатой белой шубе и белой шапке, с длинной белой бородой.

— Мы не можем, мы торопимся, — серьёзно сказал Серёжа.

— Ну, минутка-то у вас найдётся? — сказал старик усмехаясь.

Таня вздохнула:

— Мы правда очень торопимся, дедушка. Но, может, вам нужно что-нибудь? Может, вас через дорогу перевести? Вы скажите!

Старик ласково улыбнулся Тане:

— Да нет, девочка, меня никуда не надо вести — я здешний сторож. А я сам, знаешь, хотел помочь вам. Я ведь видел, как этот плут проглотил ваш билет и как вы испугались! Билет-то нужный был, что ли?

— Очень нужный! — сказала Таня. — Там был адрес дома, который мы ищем. А у нас очень мало времени, нас мама ждёт!

— Ждёт, говоришь? — сказал сторож. — Значит, вам нужно

Не бояться, не бежать,
Только, чур, не опоздать!

— Откуда вы знаете? — удивилась Таня.

Старик усмехнулся:

— Да уж знаю. А вы слушайте, ребятки. Я и

правда могу помочь вам! У меня в хозяйстве сколько хочешь свободных минуток, я и поделиться могу с вами. Да ещё кое-что для вас найдётся! Пойдёмте-ка! — И старик, взяв Таню за руку, повёл её по длинному цирковому коридору.

Серёжа неохотно пошёл за ними. Из головы у него не выходила пропавшая записка. Где взять превращалку? Как достроить свою машину и попасть к маме?

А Таня охотно шла с ласковым дедом. Его голос напомнил ей доброго деда Морозку, и это не Удивило её: она уже заметила, что в этой стране все кого-то напоминают.

А сам старик был очень похож на ёлочного Деда-Мороза, и Таня не спуская глаз смотрела на мешок, висевший у него за плечами.

Старик, заметив это, усмехнулся.

— Спички у меня там, доченька, — сказал он, — я фонарщик.

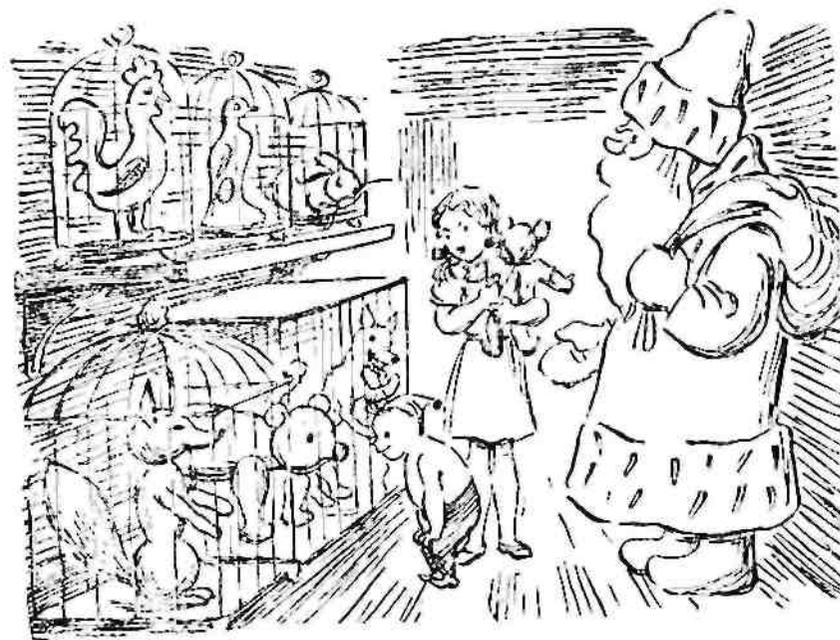
Оказалось, что сторож в ватной шубе ёлочного Деда-Мороза — ещё и фонарщик в стране бабушки Куклы.

Он кормит и сторожит цирковых зверей, а по вечерам зажигает все красные, зелёные и синие фонарики, которые так красиво горели вчера вечером, когда дети пришли в Игралочку. По этим фонарикам все жители Игралочки, даже те, у которых нет часов, узнают, что наступил вечер и нужно ложиться спать.

А так как время в стране бабушки Куклы летит очень быстро, то у Старого Фонарщика всегда много дела: вот, кажется, совсем недавно он потушил фонари, а скоро уже их надо будет зажигать снова.

Рассказывая об этом, Старый Фонарщик вёл детей по длинному цирковому коридору.

Булька скакал рядом с ним, суетился, баловался и попробовал даже выдернуть клочок из де-



довой шубы. Тане пришлось потихоньку шлёпнуть его. Булька ничуть не обиделся, отскочил в сторону и очутился перед клеткой, в которой сидела рыженькая лисичка, такая блестящая, словно моточек шёлковых ниток.

Таня тоже остановилась перед клеткой, и лисичка сейчас же встала на задние лапки и сказала умильным голоском:

— Дедушка Фонарщик, выпусти!..

В соседней клетке вскочил на жёрдочку совершенно золотой петушок.

— Кукареку, дедка, выпусти! — закричал он.

Серенький заяц с бумажной морковкой во рту прыгнул пугливо вбок, а мрачный меховой волк начал грызть прутья клетки.

— Выпусти, дед! — ворчал он.

— Вы что, порядков не знаете? — укоризненно сказал Старый Фонарщик. — Вот настанет ве-

чер, зажгу фонари, тогда и выпущу всех в лес, велитесь хоть до утра.

— А утром? — спросила Таня.

— А утром опять в клетки — разве можно таким зверям разгуливать днём по лесу?

Дети прошли вслед за Старым Фонарщиком длинный, идущий полукругом коридор и остановились перед низенькой дверкой.

Старый Фонарщик погрозил Бульке, чтоб не шумел, и прислушался. За дверью было тихо.

Старый Фонарщик осторожно постучался, и сейчас же целый хор тоненьких детских голосов нестройно откликнулся:

— Кто тут?

«Сколько их там?» — подумала Таня.

А дверь между тем открылась, и Старый Фонарщик пропустил детей вперёд.

Куда же это они попали?

Комната такая маленькая, тесная, как вагонное купе, и, как вагонное купе или кладовая магазина, вся в полках. А на полках стоят, лежат и сидят, свесив ножки, крошечные девочки и мальчики, все совершенно белые и ватные!

— Дедушка пришёл! — запищали они разом.

— Тише! — сказал Старый Фонарщик. — Это мои внучата, — пояснил он детям, во все глаза глядевшим на малюток.

— Дедушка, выпусти! — запищали внучата хором.

— Сколько раз вам говорил, — ответил Старый Фонарщик, — пока не зажгу фонари, не выпущу.

— В лес хотим! — пищали малютки. — В ёлочный лес!

— Цыц! — рассердился Старый Фонарщик. — Вот сейчас вас всех в шкаф запру!

Малыши испуганно пискнули и замолчали.

А Старый Фонарщик осторожно открыл боль-

шую коробку. В коробке были фонари. Розовые и красные, голубые и синие, оранжевые и жёлтые... Он осторожно откладывал их в сторону и всё искал что-то в самой глубине коробки.

«Что же он там ищет? — подумала Таня. — Тут столько красивых фонарей!»

А Старый Фонарщик достал из глубины коробки блестящий серебряный фонарик и стал протирать его тряпочкой. Он искоса поглядывал на Бульку, который нетерпеливо подпрыгивал возле Серёжи.

— Эй, молодой человек, тут у меня не прыгать! — внушительно сказал старик. — Тут фонари.

И Булька с необычным для него послушанием сейчас же притих.

Медвежонок о чём-то шушукался с беленькими малышами — они, видно, прекрасно понимали друг друга.

Таня подошла к ним и прислушалась. Малыши сейчас же замолчали.

— Мишук, что тебе говорили малютки? — тихонько спросила Таня.

— Они не малютки, а минутки, — стал шептать медвежонок на ухо Тане. — Они первые минутки Нового года, но это большой секрет! Их никуда не выпускают, пока не пробьёт двенадцать часов. Дедушка Фонарщик боится, что их поймает Оловянный Генерал, если они выбегут раньше времени. Но только это большой секрет.

Мишук очень гордился тем, что он первый узнал такой секрет, и Таня обещала никому не открывать его, но сама призадумалась: а вдруг зелёный билетёр и сюда проберётся и похитит у деда несколько весёлых минуток? Может быть, он тоже служит у Оловянного Генерала, как и Господин Ледяной Ветер?

Старый Фонарщик всё ещё тщательно протирал серебряный фонарик и посматривал на ребят из-под нависших белых бровей.

— Дедушка Фонарщик, — сказала Таня, — а вдруг этот зелёный крокодил проберётся сюда?

— Э, нет, мы его не пустим, — сказал Старый Фонарщик. — Нам тут Резиновый Крокодил ни к чему!

— Ой, так это был тот самый Резиновый Крокодил, который убежал? — воскликнула Таня. — Убежал из цирка, а сам переоделся билетёром и вернулся обратно! Зачем это он?

— Я уверен, что это один из слуг Оловянного Генерала! — сказал Серёжа. — Они охотятся за нами. Правду сказал дедушка Мяч: они хотят разлучить нас с мамой! Но мы ещё посмотрим, кто кого одолеет!

— Вот как? — сказал Старый Фонарщик. — А вы, ребята, не горюйте. Достаньте только себе превращалку, и всё будет в порядке!

— Превращалку? — повторил Серёжа. — Конечно, превращалку! Так и в письме было написано! Только где её взять?

— А Резинового Крокодила берегитесь, — продолжал Старый Фонарщик, как будто не слыша, что сказал Серёжа. — Берегитесь Оловянного Генерала. И помните, что наш славный дедушка Мяч всегда придёт вам на помощь. А я дам вам в дорогу вот этот серебряный фонарик. Он очень хороший. Смотрите не разбейте его. Когда вам станет темно, поднимите его над головой. А дорогу найдёте сами.

— Спасибо, дедушка Фонарщик! — сказала Таня и бережно взяла в руки серебряный фонарик.

А Серёжа молча, по-мужски, пожал руку старику.

Медвежонок мягко поклонился деду, а Булька

чуть не прыгнул ему на шею, но Старый Фонарщик сердито отмахнулся от него, и все поспешно вышли в коридор.

В коридоре было темно, они наткнулись на что-то у самых дверей, и Таня чуть не выронила серебряный фонарик.

Она ухватилась свободной рукой за что-то холодное, скользкое... Зелёные глаза блеснули в темноте...

— Резиновый Крокодил! — вскрикнула Таня и подняла фонарик над головой.

Коридор осветился мерцающим светом, и дети увидели чью-то тень, проскользнувшую по коридору.

Серёжа кинулся вслед, но зелёная тень мгновенно исчезла, как будто растаяла.

Да, очень возможно, что это снова был Резиновый Крокодил.

' Глава шестнадцатая

В ПОИСКАХ ПРЕВРАЩАЛКИ

Кружок, брусок и палка —
Готова превращалка.

Бабушка Кукла была права: время в Игралочке летело так быстро, как нигде!

Когда Серёжа и Таня пошли вслед за Старым Фонарщиком, из цирка выходила толпа зрителей, а когда они вышли от Старого Фонарщика, то смешались с этой же самой толпой, по-прежнему выходящей из цирка.

Можно было подумать, что, пока дети отсутствовали, не двигалась и толпа.

А может быть, это было действительно так.

В толпе Серёжа снова заметил розового мальчика в блестящей зелёной кепке, с которым они познакомились по дороге в цирк.

Мальчик опять бежал так быстро, как Будто снова спешил в цирк.

— Стой! — крикнул Серёжа. — Я тебя всё-таки поймал! Куда это ты опять бежишь?

— Пусти! — запищал розовый мальчик. — Ясное дело — я бегу в мастерскую превращалок. Все наши мальчики и девочки, наверно, давно уже там!

— Послушай, малыш, — сказал Серёжа серьёзно, — объясни ты мне, пожалуйста, толком, что такое превращалка? Нам это очень важно знать.

Но розовый мальчик недоверчиво посмотрел на него.

— Вы не знаете, что такое превращалка! — насмешливо сказал он. — Да об этом знают все наши мальчики и девочки! Про неё даже в песне поётся!

И действительно, ребята услышали, как целая толпа малышей, бежавших по улице, пела:

Кружок, брусок и палка —
Готова превращалка.
Хочешь — будет самолет,
Хочешь — будет пароход,
Хочешь — будет грузовик.
Что ты хочешь — назови!

Ребята пели эту песню на бегу и на бегу размахивали какими-то блестящими белыми чурками, кружками и палочками.

«Как у Серёжи!» — подумала Таня и вместе с Серёжей побежала вслед за толпой маленьких мастеров. Но, хоть и привыкли наши ребята к быстроте этого весёлого города, всё же они никак не могли поспеть за бегущими мальчиками и девочками.

Маленькие мастера, не сделавшие, видно, ни шагу, пока Серёжа и Таня были в гостях у Старого



Фонарщика, стали при них настоящими скороходами! А Таню к тому же очень задерживал медвежонок — он всё время на ходу засыпал, валился на землю и лежал там, мирно посапывая.

Вот уже весёлая толпа маленьких мастеров завернула за угол и пропала из виду, а Таня всё ещё пыталась разбудить и поставить на ноги медвежонок, который заснул посреди дороги.

— Таня, я сейчас его отшлёпаю! — нетерпеливо пригрозил Серёжа. — Скорей бежим в мастерскую!

— Ой, сейчас, Серёженька, сейчас! Ты не сердись, ведь он ещё маленький! Вставай, Мишук, вставай! Вы бегите, мы вас сейчас догоним!

— Ну уж нет, пойдём все вместе! — сердито сказал Серёжа.

— Вперёд! — кричал Булька. — Оставьте этого соню! Вперёд! За превращалкой!

— Вам нужна превращалка? — неожиданно спросил чей-то вкрадчивый голос.

— Нужна! — крикнул Булька, прежде чем Серёжа и Таня успели ответить.

— Пожалуйста! — И высокий незнакомец в зелёных очках и низко надвинутой на лоб шляпе протянул Бульке небольшой пакет и сейчас же скрылся за углом.

— Булька, верни! — крикнул Серёжа.

Но Булька уже разорвал пакет, а Таня с любопытством наклонилась над ним.

— Неужели это настоящая превращался? — с удивлением спросила она. — Кружок? Да, тут кружок...

— Это просто часы, — сказал Серёжа, — только неизвестной марки.

— Да, какие-то странные, — прошептала Таня. — Как тихо они тикают! Совсем не слышно...

— Дай-ка я заведу их! — И Серёжа взял часы. Но, как только он дотронулся до завода, пружинка с еле слышным звуком оборвалась.

— Остановились! — испуганно сказала Таня.

Глава семнадцатая

ГОРОД ЗАБЫТЫХ ИГРУШЕК

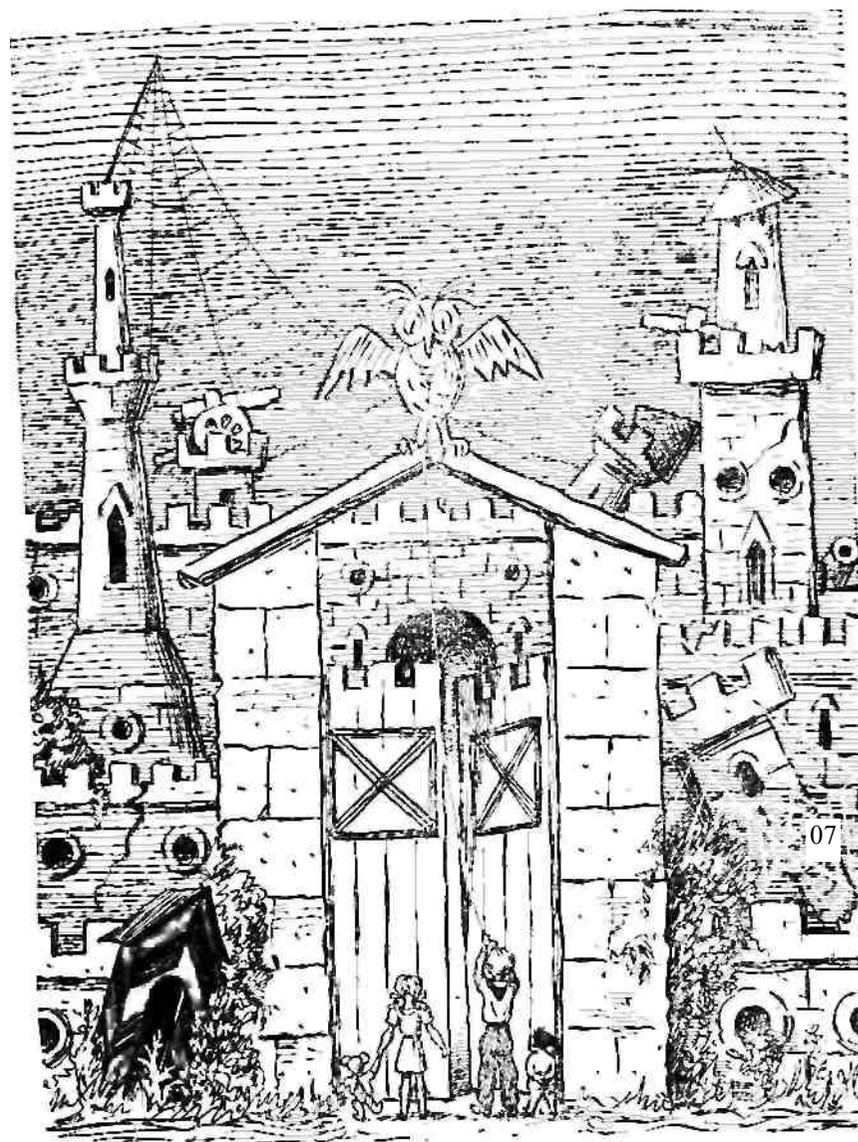
И окна и двери закрыты.
Над городом — серый туман.
И в городе этом забытом
С друзьями не встретиться нам

Внезапно всё изменилось. Стало так тихо, как будто приближалась гроза.

Это была не та тишина, которую дети слышали ночью в спящем городе бабушки Куклы.

Та тишина была тёплая, ласковая. Так тихо бывает в детской, когда маленькие дети уже спят и сонное их дыхание смешивается с мурлыканьем кошки.

Нет, эта тишина была тревожной, гнетущей. Всё кругом приняло синеватый, мрачный оттенок.



Никто как будто не сторожил этих ворот, только неподвижная серая сова сидела наверху.

А вдалеке, как в тумане, виднелись очертания серых тяжёлых ворот. И дети медленно направились к ним.

Никто как будто не сторожил этих ворот, только неподвижная серая сова сидела наверху.

Тане показалось, что она моргнула глазами, когда они подошли, но Серёжа ничего не заметил.

Он дёрнул нитку, висевшую у совы на шее, и вдруг серые веки поднялись, серые крылья захлопали, и сова захрипела:

Это Город забытых игрушек,
Это Город забытых игрушек.
Здесь не любят весёлых гостей.
Мы поставим вас всех на колени,
Не будите минувшего тени,
Уходите отсюда скорей!

— На колени? — с возмущением сказал Серёжа. — Как бы не так!

Он ещё раз сильно дёрнул нитку и отпустил её. Сова резко хлопнула крыльями и замолчала. Глаза её закрылись. Она снова как будто не видела детей.

— Идёмте! — решительно сказал Серёжа и первый вошёл в ворота.

Таня шла за ним следом и вела за руку медвежонка, а другой рукой крепко держала серебряный фонарик. Булька тихонько подпрыгивал позади.

Серая улица глядела на них слепыми окнами серых домов, изъеденными временем седыми каменными стенами.

Дети шли, медленно пробираясь в тумане. Он висел в воздухе пепельной дымкой, и сквозь эту дымку Таня увидела старинный замок с острокопечными башнями. Стрельчатые окна замка тускло поблёскивали.

— Серёжа, может, это дом с волшебными окнами? — неуверенно спросила Таня.

Серёжа внимательно всматривался в туман. Теперь и он разглядел замок.

— Уж очень он мрачный! — сказал Серёжа. — Но окна в нём и правда как будто волшебные.

Дети направились к замку, но он начал отодвигаться от них в туман.

Отошли назад — замок снова стал на своё место.

— Ой! — закричал вдруг Булька.

Он прыгнул вперёд и стукнулся головой обо что-то невидимое. И сейчас же туман стал быстро рассеиваться. Он светлел и светлел, и дети увидели, что у дороги стоит большой ящик, покрытый потускневшим от времени лаком.

Замок как будто растаял в тумане. Но на стенках ящика были нарисованы причудливые окна, лесенки, мосты.

Из окон выглядывали нарядные дамы в старинных напудренных причёсках и завитые мальчишки в шёлковых куртках с кружевными воротниками.

— Какой хорошенький ящик! — сказала Таня. — Помнишь, Серёжа, мы видели такой в музее игрушек. Когда его заводили, в нём играла музыка!

— Попробуем, — сказал Серёжа и нажал какую-то пуговку на крышке ящика.

Крышка начала медленно открываться, и в ящике раздалась очень тихая и нежная, похожая на звон серебряных колокольчиков музыка.

Глава восемнадцатая
ФАРФОРОВЫЙ ПРИНЦ

Мы старинные игрушки —
Дамы, принцы и пастушки.

— Какие хорошенькие человечки! — сказала Таня, заглядывая в ящик. — И как славно они танцуют!

Фарфоровые дамы и кавалеры жеманно передвигались под музыку и слащаво улыбались Тане.

— Хорошенькие? — возмутился Серёжа. — А по-моему, они просто кривляки!

— Ну, Серёжа, зачем ты так говоришь! — обиделась Таня. — А сам смотришь на них!

— Конечно, смотрю, — сказал Серёжа. — Мне просто хочется узнать, отчего это они танцуют. Тут, наверно, какой-то механизм.

И Серёжа нагнулся над ящиком. Но только он хотел дотронуться до одного из человечков, как вдруг танец прекратился, фарфоровые человечки разбежались по углам, а музыкальный ящик начал вызванивать песенку:

Мы старинные игрушки —
Дамы, принцы и пастушки.

Динь-донь!

Если тронешь нас — как блюдца,

Наши ручки разобьются.

Не тронь!

Мы фарфоровы, мы тонки.

Уходите прочь, девчонки,

От нас!

Если тронешь нас — как блюдца,

Наши ножки разобьются

Сейчас!

Опустите снова крышку,
Отпустите нас, мальчишка!
Динь-донь!..

— Ни за что не опущу крышку! — сказал Серёжа. — Я ещё и стенку открою!

— Смотри-ка, Серёжа, в стене ключ! — сказала Таня.

Серёжа повернул ключ — и вдруг крышка захлопнулась, а стена ящика открылась перед ним, как дверь.

И вот Серёжа, Таня, медвежонок и Булька гуськом, осторожно вошли в эту дверь и остановились.

Перед ними была комната, уставленная старинной золочёной мебелью.

В комнате никого не было. Танцующие человечки куда-то исчезли. Только на больших золочёных часах стояли неподвижные фарфоровые фигурки. Но в комнате всё время что-то звенело.

— Интересно, что это звенит? — сказал Серёжа оглядываясь.

Булька снова повеселел и стал прыгать по шёлковым креслам с выгнутыми позолоченными спинками.

От его прыжков звон усилился.

Теперь звенело за самой Серёжиной спиной, и он быстро обернулся.

В углу за буфетом стоял, притаившись, мальчик Сережиного возраста в голубом шёлковом костюме. Жёлтые волосы, завитые крупными локонами, падали на его плечи.

Нежно-розовое, какого-то фарфорового оттенка лицо было искажено страхом.

Мальчик дрожал всем телом и, как это ни странно, звенел от этой дрожи. К ногам его прижималась крошечная белая собачонка.

— Ай! — завизжал он, увидев Серёжу. — Не

трогайте меня, добрый мальчик, умоляю вас, не трогайте меня!

Собачонка завизжала вместе с ним.

— Да я вовсе и не собираюсь вас трогать, — удивлённо сказал Серёжа. — И чего это вы так дрожите? Холодно вам, что ли?

Бум! Это Булька опрокинул стул с золочёной спинкой и подскочил к буфету.

— Ай-ай! — завизжал ещё громче мальчик с фарфоровым лицом. — Уберите его! Уберите его прочь! Мяч разобьет меня! — И он затопал ногами и зарыдал.

— Да вы просто трусишка! — сказал Серёжа, с любопытством разглядывая дрожавшего от страха мальчика. — Булька, не смей тут прыгать! Таня, подойди сюда, пожалуйста!

Серёжа ещё раз с презрительным сожалением взглянул на рыдавшего мальчика и отошёл в сторону. Таня, наверно, сумеет лучше, чем он, успокоить этого странного мальчишку.

И действительно, при виде Тани фарфоровое лицо мальчика сразу изменилось.

— Какая хорошенькая девочка! — протянул он и церемонно раскланялся перед ней.

Таня никогда ещё не видела таких длинных поклонов. Мальчик с фарфоровым лицом отставил назад ногу и, низко склонившись перед Таней, поднял высоко над головой свою голубую шёлковую шляпу.

— Вы принцесса? — спросил он.

— Нет, что вы! — сказала Таня краснея.

— Значит, вы герцогиня? — спросил мальчик с фарфоровым лицом, поднимая голову.

— Конечно, нет, — ответила, улыбаясь, Таня.

— Графиня? Баронесса? — отрывисто спрашивал мальчик.

— Да нет же, нет! — засмеялась Таня.



Булька опрокинул стул с золочёной спинкой и подскочил к буфету.

Мальчик с фарфоровым лицом выпрямился и, снисходительно глядя на Таню, спросил:

— Но, может быть, вы фрейлина?

— Что это такое — фрейлина? — шепнула Серёже Таня.

— Это, кажется, так называли королевских служанок, — ответил Серёжа. — Как он смеет думать, что ты королевская служанка!

Мальчик с фарфоровым лицом стоял неподвижно, надменно глядя на Серёжу и Таню.

— Откуда вы явились, — сказал он презрительно, — что даже не знаете, кто такие фрейлины? И как вы смели войти без разрешения в мои покои?

— Серёжа, он гонит нас! — с удивлением сказала Таня.

— Пускай попробует! — сказал Серёжа. — А мне с этим типом и разговаривать неохота. Скажи ему, что у нас давно уже нет ни принцев, ни принцесс. Их всех разогнали ещё до нашего рождения.

— Хотелось бы мне посмотреть хоть на одного живого принца! — вздохнув, сказала Таня.

— Смотрите, — снисходительно произнёс мальчик с фарфоровым лицом. — Я последний принц из династии Фарфорового дома. За мою жизнь дрожит всё королевство.

— Ты сам дрожишь больше всех! — неожиданно закричал Булька, всё время злившийся, что дети так церемонятся с этим трусишкой.

— Как вы смеете?! — закричал Фарфоровый Принц. — Уберите прочь этого негодяя! Разбейте его на мелкие кусочки!

— Хо-хо! — захохотал Булька. — Меня-то не разобьёшь, а вот тебя... {

И он скакнул прямо к Фарфоровому Принцу.

— Булька, назад! — крикнули одновременно Серёжа и Таня,



— Смотри-ка, Серёжа, он в обмороке!..

— Подведите меня к окну, — прошептал Фарфоровый Принц, вцепившись в Танину руку.

— Вы хотите подышать свежим воздухом? — И Таня, осторожно положив в карман фонарик, подвела принца к окну.

Принц сейчас же высунулся в окно и долго не оборачивался.

— Пойдём, Таня, — сказал Серёжа, — мы всё равно не узнаем ничего путного от этого трусишки.

— Пугнуть бы его напоследок! — захохотал Булька и прыгнул прямо к белой собачонке.

Та завизжала совсем как принц, побежала к окну и, споткнувшись о стул, разлетелась на мелкие кусочки.

— Булька! — крикнул Серёжа.

— Как тебе не стыдно! — огорчённо сказала Таня. — Извините его, пожалуйста! — обратилась она к принцу.

Тот стоял у окна и дрожал. Лицо его было уже не розового, а какого-то зеленоватого цвета.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — процедил он сквозь зубы и снова обернулся к окну.

— Я думала, он болы- — удивлён-
но шепнула Серёже Таня.

— Идём скорей! — вдруг сказал Серёжа, хватая Таню за руку. — Я заметил сейчас, что он подал кому-то в окно знак!

Таня схватила дремавшего на золочёном стуле медвежонка, и дети бросились к дверям.

— Не извольте беспокоиться! — захихикал вдруг Фарфоровый Принц. — Дверь заперлась, как только вы вошли сюда. В моём замке секретные замки.

И он захихикал ещё громче.

— Булька, прыгай в окно, — крикнул Серёжа, — и мчись к нашим! Засада!

— Не пущу! — завизжал Фарфоровый Принц.

Но Булька уже перескочил через его голову.

За окном послышалась суматоха, удары, чьи-то проклятия... Потом всё стихло.

— Ускакал! — сказал Серёжа. — Таня, дай мне руку и ничего не бойся. Сейчас они придут сюда.

Глава девятнадцатая

ОЛОВЯННЫЙ ГЕНЕРАЛ

— Вы подумайте, солдаты,
Разве дети виноваты?

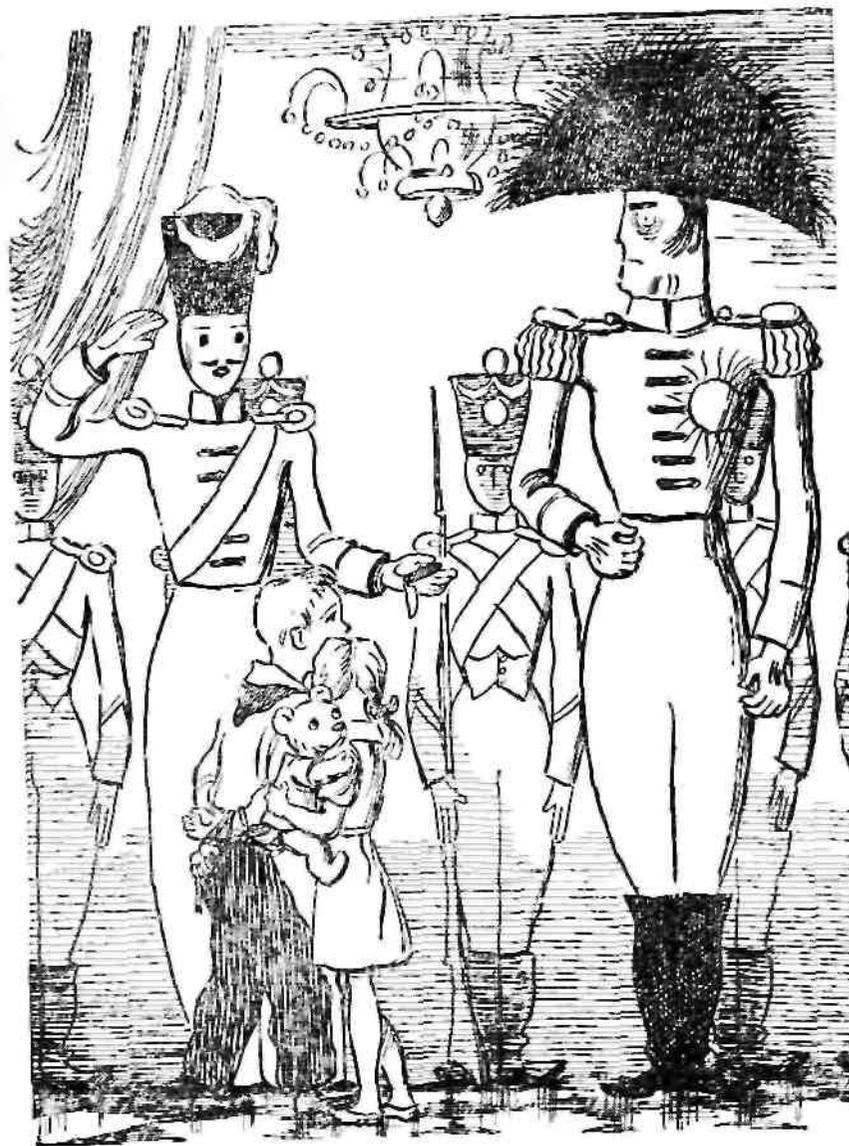
Вы подумайте, солдаты,
Сколько горя от войны!

— Оловянные солдаты
Думать вовсе не должны.

Сейчас же послышался гулкий топот множества ног. Дом окружали со всех сторон.

— Серёжа! — сказала Таня.

Серёжа обернулся.



— Найдено оружие! — доложил оловянный офицер.

МУДРЕЦЫ С КАЧАЮЩИМИСЯ ГОЛОВАМИ

За часом час, весь день-деньской
Они качают головой.
У них на всё один ответ —
Они всегда ответят: «Нет!»

— Танечка, — сказал он ласково, — Танюша, милая... (Никогда ещё брат не называл её так.) Танюша, только не унижай себя перед ними, не плачь, они всё равно не сжалятся.

— Серёжа, а мама? Нет, нет, я уже ничего... Только ты крепче держи меня за руку.

Одутловатое лицо с оловянными глазами показалось в дверях.

— Генерал! — восторженно взвизгнул Фарфоровый Принц. — Наконец-то!

— Обыскать! — глухо сказал Оловянный Генерал, не глядя на принца.

И в комнату вошли, стуча сапогами и как-то странно переставляя ноги, оловянные солдаты во главе с оловянным офицером.

Они грубо обшарили Серёжу, Таню и медвежонка.

— Найдено оружие! — щёлкнув шпорами, доложил оловянный офицер и подал Оловянному Генералу Серёжин перочинный ножик.

— Но ведь это простой перочинный нож! —

— сказал Сережа.

Он заставил себя взглянуть прямо в лицо Оловянному Генералу, и ему показалось, что сердце его сжали железными тисками. Пустые оловянные глаза смотрели куда-то в пустоту позади Серёжи.

— Взять! — отчеканил глухой голос.

И сейчас же оловянные солдаты окружили Серёжу и Таню.

— Ведь мы же маленькие! Солдаты! Подумайте сами! — сказала Таня, обнимая испуганно прижавшегося к ней Мишутку.

— Оловянные солдаты думать вовсе не должны, — сказал в пустоту глухой голос. — Эти дети виновны. Предать их суду!

Дети ожидали чего угодно, но то, что они увидели в следующую минуту, было так неожиданно, что даже Мишутка вздрогнул и прижался к Тане.

В дверь важно входил маленький человечек с огромной головой. При каждом его шаге голова качалась то вправо, то влево.

За ним шли ещё несколько человечков, но те, очевидно, были не такие важные, так как головы у них раскачивались немножко потише.

— Суд идёт! — провозгласил фарфоровый мопс, сидевший всё время на шкафу, и странные человечки остановились посреди зала.

— Мудрецы! Судите их строже! — взвизгнул Фарфоровый Принц.

— Приведите подсудимых! — тонким голосом откликнулся Главный Мудрец.

Два человечка с раскачивающимися головами сейчас же стали около детей.

— Мы не подсудимые, — сказала Таня, — мы дети.

— Подсудимые дети! — пропищал Главный Мудрец. — У вас головы не раскачиваются, значит, вы не имеете права на отрицание. Право отрицать имеем только мы, мудрецы с качающимися головами. Кто мудрее всех на свете? Тот, кто всё отрицает. А наши головы всё время отрицают всё на свете!

И Главный Мудрец так сильно закачал головой, что Серёжа подумал: «Сейчас она свалится с плеч!»

— Подсудимые дети, — продолжал Главный Мудрец, немного успокоившись, — почему вы стоите, взявшись за руки и прижимаясь друг к другу?

— Потому что нам вместе не страшно, — сказала Таня. — Когда мы вместе, мы не боимся вас. Вместе всегда легче.

Главный Мудрец повернулся к Серёже.

— И ты утверждаешь это? — насмешливо спросил он.

— Конечно, — ответил Серёжа.

— Первое преступление! — провозгласил Главный Мудрец. — Мудрецы! Эти дети утверждают, что на свете есть дружба. Так ли это, мудрецы?

Маленькие человечки сейчас же отрицательно качали головами.

— Вы видите? — торжествующе взвизгнул Главный Мудрец. — Дружбы на свете нет! И за ваше первое преступление вы понесёте должное наказание.

— Отпустите нас, — сказала Таня, — нас мама ждёт!

— Откуда ты знаешь, что мама ждёт вас? — иронически улыбаясь, спросил второй мудрец.

— Потому что она любит нас, — сказала Таня, с удивлением глядя на мудрецов.

— И ты утверждаешь это? — взвизгнул Главный Мудрец, обращаясь к Серёже.

— Конечно! — ответил Серёжа.

— Второе преступление! — пропищал в восторге Главный Мудрец. — Мудрецы! Эти дети утверждают, что на свете есть любовь. Так ли это, мудрецы?

Маленькие человечки ещё сильнее качали головами.

— Вы видите? — захихикал Главный Мудрец. — Любви на свете нет! И за своё легкомысленное утверждение вы понесёте должное наказание.



Таня взглянула на Серёжу. Её немного удивляло, что Серёжа молчит и как-то странно смотрит на судей. А Главный Мудрец ещё раз хихикнул и, снова обращаясь к Тане, сказал:

— Ну, что же ты ещё хочешь сказать в своё оправдание?

— Я не знаю, в чём мне оправдываться, — сказала Таня. — Я всегда говорю правду. Я говорю вам, что мама ждёт нас. Она ждёт нас в доме с волшебными окнами.

Мгновенно наступило молчание. Главный Мудрец, надувшись и покраснев, как индюк, силился что-то сказать, но не мог — так он злился. Голова его болталась то вправо, то влево, как маятник, и у Тани даже зарябило в глазах от этого мелькания.

— Подсудимые дети! — пропищал наконец Главный Мудрец. — Милость фарфоровых мудрецов неистощима — мы даём вам право на одно от-

рицание. Вы имеете право раз в жизни воспользоваться им, но воспользуйтесь им умно. Мы требуем, чтобы вы сказали, что дома с волшебными окнами нет!..

— Он есть! — сказал Серёжа. — И мы в него войдём, хотя бы нам пришлось разбить руки о его двери!

— Довольно! — завизжал неожиданно Фарфоровый Принц. — Я не могу больше их слышать — они разобьют нас! Посадите их немедленно в крепость!

— Серёжа, я боюсь! — шепнула Таня, прижимаясь к брату.

— Не бойся! — сказал Серёжа громко. — Разве ты не видишь, что это просто фарфоровые болванчики?

Глава двадцать первая

БОЙ

Трубы громко играют
И песню поют.
Эта громкая песня
Про лошадь мою,

Про коня боевого,
Лихого коня.
У него на подковах
Четыре огня!

Он летит, словно ветер,
Когда я пою.
Если недруга встретит—
Победит он в бою!

Серёжу и Таню вели по пустынной улице. Дома глядели по-прежнему — глухими стенами. По-прежнему все окна были закрыты.

А позади детей слышался равномерный, равнодушный топот. Это шли оловянные солдаты.

Как странно передвигались оловянные солдаты, как странно они подергивали руками и ногами!

Вот дети под конвоем оловянных солдат и офицеров вышли на площадь, и высокая серая башня сразу выросла перед ними.

Вот заскрипел в замочной скважине огромный ключ и заскрежетала железная дверь... Зелёная морда выглянула из дверей и ухмыльнулась...

— Крокодил! — испуганно вскрикнула Таня.

И вдруг — бум! — ухнуло, грохнуло что-то вдали.

— Скорей! — глухо крикнул оловянный офицер.

Конвойные подтолкнули детей к железным дверям крепости. Крокодил уже схватил Таню за руку...

И вдруг выпустил её и покачнулся — что-то стремительное, круглое, красно-синее с силой ударило его по голове и прыгнуло в руки детям.

— Булька, Булька, дорогой! — закричала Таня. — Откуда ты?

— Сверху! С самолёта! — закричал Булька.

Блестящие серебряные самолёты летели над пустынными улицами, и мячи, мячи, мячи соскакивали с них без конца!

А стукнувшись о землю, мячи ничуть не ушибались — им такие прыжки были только полезны!

Дети оглянулись — ни конвойных, ни Крокодила уже не было. Только большая зелёная тряпка валялась на земле. Это было всё, что осталось от Резинового Крокодила.

А мячи мчались вперёд и вперёд, перепрыгивая через заборы, через дома, и впереди всех скакал Булька, а Серёжа и Таня с Мишуткой бежали вслед за ним.

Какой бой кипел па окраине города!

Глухо ухали оловянные пуш.п. Оловянные ядра летели со страшной быстротой.

Но ядра-мячи летели быстрей!

Они залетали в тыл врагам, они сбивали с ног всех неприятельских артиллеристов, они взвивались в воздух и сбивали на лету несущиеся прямо на детей оловянные ядра!

Оловянное войско двигалось мерным, неживым строем.

И вдруг прямо на оловянные ряды пошла вперевалочку сплочённая сердитая колонна.

— Мншук, медведи! — закричала Таня.

Ну конечно, это были плюшевые медведи, и впереди всех шёл огромный бурый медведь — их старый нелюбезный знакомый.

Ух, как здорово он начал расталкивать лапами оловянных солдат!

— Конница! — закричал Серёжа. — Конница, вперёд!

Боевые деревянные кони помчались по полю навстречу врагам, и оловянные солдаты отступили и побежали, падая и увлекая за собой всё оловянное войско.

И тогда, страшные и чёрные, как огромные гусеницы, поползли по полю оловянные танки.

И что это? Почему на эти страшные танки двинулись такие нестрашные, такие обыкновенные деревянные зелёные грузовики?

Чёрные танки не боятся этих грузовиков, они надвигаются прямо па них, вот сейчас они раздавят их!

— Ай-ай! — кричит Таня.

И вдруг по полю побежала целая толпа мальчиков и девочек Игрушечного города, тех самых, которые были в цирке, а потом убежали в мастерскую. В руках у ребят из Игрушечного города какие-то кружки, бруски и палки. Серёжа бежит



Крокодил схватил Таню за руку...

к ним навстречу, и они окружают его и совсем скрывают.

А чёрные танки надвигаются.

— Серёжа! — кричит Таня. — Я боюсь!

— Иду-у! — отвечает где-то рядом Серёжа. — Не бойся!

Вот чёрные танки подошли уже вплотную к грузовикам, и вдруг шофёры грузовиков нажали на маленькие рычажки, и — трах! — поднялись и захлопнулись над грузовиками крышки, и зелёные броневики идут прямо на врагов!

Впереди — головной броневик, ярко-зелёный, с красной звездой на боку.

И вдруг в него ударяется огромное оловянное ядро и пробивает в его броне брешь. Из броневика выглядывает водитель.

Да ведь это дедушка Мяч! Сам дедушка Мяч — водитель главного броневика! Сейчас враги окружают его, возьмут его в плен!

Но на помощь к нему бежит Серёжа, а за ним маленькие мастера из Игрушечного города. Что это за удивительную машину катят они перед собой? Она похожа и на грузовик, и на пароход, и на самолёт! И над нею развевается маленький красный флажок!

Дедушка Мяч сорвал со своей круглой головы шлем и размахивает им — он увидел чудесную машину!

И враги тоже увидели её: чёрные танки поспешно уползают прочь.

А дедушка Мяч вскакивает в необыкновенную машину, похожую на грузовик, нажимает какой-то рычаг, и машина взлетает вверх, как самый лучший самолёт!

— Превращалка! — кричит Серёжа и прыгает и размахивает руками. — Превращалка! Ура!.,

ПОБЕДА

Со всех домов и вышек

Кивают флаги нам.

Смотри — весь город вышел

Навстречу мастерам!

Чудесный самолёт улетел высоко-высоко, в самое синее небо. И в далёкой-далёкой густой синеве алеют красный флажок и красная звездочка на его борту.

А кругом загорелись другие звёзды. Как их много, и как заманчиво они мерцают! Теперь и не различишь, какая звезда настоящая, а какая сделана ребячьими руками.

— Серёжа, какие звёзды! — говорит Таня и смотрит в далёкое вечернее небо. — И твой самолёт там, с красным флажком и со звездой. Ты его всё-таки построил, Серёжа! Вот бы наша мама увидела!

— Увидит! — говорит Серёжа. — И папа увидит! Но только ты, пожалуйста, никому не говори, что это я построил превращалку. Ты же сама видела, как мне помогали ребята. И куда это они убежали?

— Наверно, к себе домой, — тихонько говорит Таня. — Послушай, Серёжа, а ведь это, кажется, они поют!

И верно — где-то далеко-далеко слышались звуки песни, которую пели маленькие мастера, но слов нельзя было разобрать. Дети прислушивались затаив дыхание, и песня звучала всё громче и ясней. Вот уже можно было различить, как звонкий голос запевал песню о красном флажке:

Я свой флажок до неба,

Нет, выше подниму!

С таким флажком победа
В бою, в огне, в дыму!

Я свой флажок до моря,
Нет, дальше протяну!
Я буду с ним в дозоре
Стеречь свою страну!

Смотри — весь город вышел
Навстречу мастерам!
Со всех домов и вышек
Кивают флаги нам.

И сотни тоненьких голосов подхватили:

Смотрите — флаги машут,
Кивает каждый дом!
А ну, ребята, маршем
По городу пройдем!

И Серёжа с Таней услышали далёкий-далёкий топот сотен маленьких ног, и музыку, и радостные крики, и вдруг в небо взлетели разноцветные радужные ракеты! Салют!

Ракеты взлетали и падали, вспыхивали и гасли. Но одна ракета — самая яркая, самая большая — не упала, а полетела высоко-высоко, в самое небо!

— Да ты смотри, Серёжа, — закричала Таня, — на этой ракете тоже красный флажок!

— Это они празднуют победу, — сказал Серёжа. — Молодцы эти маленькие мастера!

— Да-да! — радостно подхватила Таня. — Они прогнали Оловянного Генерала, правда, Сережа? А теперь они дома... Ох, а мне как хочется домой, Серёжа!..

Глава двадцать третья

ВОТ И СКАЗКЕ КОНЕЦ

— Игралочка, да где ж она,
Игралочка, твоя страна?
Туда не ходят корабли,
На свете нет такой земли,
Её ты выдумал!..
— Ну что ж,
На правду этот сон похож.

Дети стояли, взявшись за руки. Сонные, притихшие, жались к ним Булька и медвежонок.

На улицах было совсем темно, потому что наступила ночь, и пора, давно уже пора было возвращаться домой.

Враг был разбит, разбит в буквальном смысле слова — на мелкие кусочки. Бесславно окончил свои дни Резиновый Крокодил. Чудесная машина превращалка выручила детей. И друзья помогли им в пути;

Но дети знали, что Оловянный Генерал ещё цел, а дом с волшебными окнами не найден.

— Как темно! — сказала Таня.

Она подняла руку, в которой крепко держала палочку с серебряным фонариком, и на осветившейся молочным светом улице дети увидели Старого Фонарщика.

Он шёл в своей белой пушистой шубе и держал в руках простую палочку.

Вот он взмахнул ею, и — красные, зелёные, синие — вспыхнули сразу все фонари и осветили волшебным светом улицу Игрушечного города.

И сейчас же тоненький-тоненький хор детских голосов раздался вокруг, и по улице побежала толпа крошечных белых малюток.

— В лес! В ёлочный лес! — кричали они.
А за белыми малютками бежали красные лисички, золотые петушки, мохнатые волки.

— В лес! В ёлочный лес! — кричали они.

— Пора отпустить друзей, — сказал голос Старого Фонарщика над самым Таниным ухом, и Таня сразу вспомнила своё обещание, данное доброму Морозке в старом лесу.

Она нежно поцеловала маленького медвежонка, который уже сладко спал у неё на руках, и передала его Старому Фонарщику.

— Отнесите его, пожалуйста, домой, — сказала она, — и кланяйтесь дедушке Морозке, и Михайлу Иванычу, и лисичке. Мы непременно придём к ним ещё раз!

Булька прыгал то в Серёжины, то в Танины руки и что-то горячо выкрикивал, но так торопился, что понять его было невозможно.

Вот и он ускакал за Старым Фонарщиком, и дети остались совсем одни.

В окошках гасли огни — это игрушки укладывались спать.

Детям видно было, как сидят в креслах дедушка Мяч и бабушка Кукла и старые их белые головы клонятся от сна.

— До свиданья, дедушка Мяч! — сказал Серёжа.

— До свиданья, бабушка Кукла! — сказала Таня.

— Спи спокойно — Оловянный Генерал далеко. А если он опять нападёт на вас, мы придём на помощь!.. И в этот раз мы уже не выпустим его!..

— Прощай, Игралочка! Мы долго будем помнить тебя!

И Таня подняла ещё выше свой серебряный фонарик.

Глава двадцать четвёртая

ДОМА

Кто стреляет громче пушки
Разноцветные хлопушки.

Ёлочная загадка

— Серёжа! — воскликнула Таня.

Свет серебряного фонарика упал прямо на окна большого дома.

— Дом с волшебными окнами! — сказал Серёжа. — Таня, там ёлка, смотри!

И вдруг всё вспыхнуло сразу и засияло!..

По веткам побежали маленькие поезда из разноцветных лампочек — они мчались в самую гущу ветвей, и там, наверно, было самое интересное.

Золотой петух выскочил из своего домика и захлопал крыльями.

Рыжая лисичка, спрятавшись за веткой, глядела на него. А маленькие лыжники скользили по снежным дорожкам.

Ух, как заскрипели полозья! Это катил с самой верхушки вниз на красных саночках маленький Дед-Мороз.

Румяные персики были подёрнуты пушком; они раскачивались на ветках рядом с жёлтыми орехами и прозрачными бабочками...

А под ёлкой! Сколько там стояло подарков рядом с белым Дедом-Морозом, ухмылявшимся в усы! Всего нельзя было и разглядеть.

Но на самом видном месте лежал большой красно-синий мяч.

А у ствола ёлки сидел, прижавшись, плюшевый медвежонок и смотрел прямо на открытый ящик с какими-то кружками, брусками и палочками.

И вдруг — бум! — ударили тарелки Петрушки, запела музыка, захлопали хлопушки, весёлые ребячьи лица замелькали вокруг ёлки, и тепло обитая дверь распахнулась прямо перед детьми.

— Да ведь это наша дверь! — сказала Таня.

— Да ведь это наш дом! — сказал Серёжа.

А мама уже стояла на пороге и протягивала к ним руки.

